

Эльмира Алейникова

Свидания во сне

Роман

Эльмира Алейникова
Свидания во сне. Роман

«Издательские решения»

Алейникова Э.

Свидания во сне. Роман / Э. Алейникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905163-9

Роман «Свидания во сне» о непростой судьбе женщины, долго искавшей своё счастье. Главная героиня Лана родилась в небольшом городе у Аральского моря в Узбекистане и мечтала жить как все: выйти замуж, быть любимой, родить детей, вырастить их и состариться вместе с мужем... Будучи ребёнком от смешанного брака, она не сомневалась, что её брак будет таким же устойчивым и счастливым, как союз родителей. Однако судьба приготовила ей другой сценарий.

ISBN 978-5-44-905163-9

© Алейникова Э.
© Издательские решения

Содержание

Странный сон	6
Осенние переживания	10
Прогулки по Ташкенту	21
Неожиданная болезнь	24
Декабрь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Свидания во сне

Роман

Эльмира Алейникова

...воплъ женщин всех времён:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Марина Цветаева

© Эльмира Алейникова, 2018

ISBN 978-5-4490-5163-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странный сон

Бердах нежно провёл кончиками пальцев по моей щеке и поцеловал, едва коснувшись губ, затем откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, произнёс: «Вот и свиделись, Лана. Прощай». Окутавшее желание и ожидание большего не хотели отпускать тело и я, подавшись вперёд, попыталась обнять его, но он растаял как мираж. Руки хватали пустоту.

Закричала и проснулась. Не понимая, что со мной происходит, минут десять лежала с закрытыми глазами, пытаюсь восстановить последние кадры сна, но видела только как Бердах исчезал, превращаясь в прозрачную дымку. Его слова звучали в ушах. Почему он с такой грустью произнёс: «Вот и свиделись»? И почему сон был как реальность? Комок слёз подкатил к горлу и застрял, не решаясь вылиться наружу. «Нужно взять себя в руки. Это был всего лишь сон. Глупый сон замужней бабы, соскучившейся по романтическим свиданиям, сон идиотки, лелеющей воспоминания о прошлом», – успокаивала себя, не давая слезам выхода. Потянувшись к полке над кроватью, достала пульт управления и включила музыку. Выполняя простые упражнения в постели, старалась не думать о странном сне, уйдя в вытягивание носочков, пресс и равновесие. Но воспоминания уже текли непослушным ручейком, унося в прошлое.

В то пыльное и жаркое лето я хотела только одного – чтобы меня оставили в покое. А они – коллеги, начальство, родители, – не замечая моего заморенного вида, наседали со своими приказами, просьбами и советами. Слившись в один липкий рой, они жужжали вокруг, вызывая аллергический зуд и злость. Нужен был хороший ледяной душ в виде трудового отпуска, который я не брала уже четыре года.

Шеф, вертя заявление в сморщенных, старческих руках, тяжело вздыхал и что-то недовольно бубнил себе под нос. Затем поднял на меня выцветшие глаза и спросил:

– А зачем тебе отпуск? Ты же молодая ещё, чтобы отдыхать. Кто останется в отделе за меня на следующие два месяца?

Я опешила.

– Как это за вас? Вы же на работе сейчас. У вас отпуск только в сентябре, – спросила, уже догадываясь, что он хочет смыться куда-нибудь подальше от этой дикой жары.

– У меня заслуженный отпуск на два месяца как ветерану. И вообще, почему я должен оправдываться перед тобой? Что за наглость? – вскипел шеф.

Я молча взяла своё заявление и порвала на кусочки, швырнув пустые надежды об отдыхе в корзину для бумаг. Расстроенная, ушла в свой закуток, где и дала волю слезам. Девчонки из отдела примолкли, шепотом обсуждая хитрого шефа, уходящего в отпуск по два раза в год и обязательно на два месяца – летом и зимой, – чтобы не ходить на работу в самые отвратительные времена, пережидая их дома или в санаториях. Зато вместо себя он оставлял меня, предлагая использовать законный отпуск в октябре, когда на дворе дожди, или в апреле, когда и дома-то усидеть невозможно. Все знали, что я не хочу отдыхать в эти месяцы, но приказ начальства не обсуждался, и мне приходилось терпеть несправедливость, глотая слёзы и мечтая когда-нибудь отдохнуть от калькулятора и бухгалтерских папок.

В знак протеста ушла с работы раньше шести вечера. Двигалась короткими перебежками от тени одного дерева к другому, желая только одного – побыстрее оказаться дома, где меня ждали прохладная комната и катык¹ в холодильнике. Вспоминая разговор с начальником, снова ощутила себя круглой душой. Опять меня обвели вокруг пальца, да ещё и обвинили в наглости. Придётся таскаться по солнцу на работу, сидеть в душном кабинете с утра до вечера, задыхаясь без свежего воздуха и считать, считать, считать, прибавляя и уменьшая, вычитая налоги и приплюсовывая премии. А можно взять и уволиться. Просто написать заявление об уходе

¹ Катык – кислая простокваша в Средней Азии.

и перестать ходить на работу. Эта мысль показалась настолько дикой, что я даже испугалась. Придёт же такое в голову от изнуряющего зноя и раскалённого солнца. Да у меня кроме работы ничего и нет, даже хобби никакое не сохранилось с детства. Господи, как я докатилась до такой жизни? А ведь мне скоро тридцатник. Ни мужа, ни детей, только эта проклятая работа. Мысли прервал звук тормозящей машины. Оглянувшись, увидела нашего нового инженера Бердаха за рулем его «жигули». Выйдя из машины, он подошёл и поздоровался за руку и предложил подвезти до дома.

– А тебе по пути? Я же в микрорайоне живу, – уточнила на всякий случай, чтобы не ставить его в неудобное положение. Может быть, он и предложил-то ради приличия.

– К брату еду на ужин, он же тоже в вашем районе живёт. Садись, – Бердах распахнул дверцу, приглашая в салон.

– Ну, если по пути, – я ещё сомневалась, садиться или нет в машину, переминаясь с ноги на ногу.

– Садись быстрее, такая жара, – торопил Бердах, легонько подталкивая к машине.

Стараясь не показывать радости от того, что не придётся идти по солнцу пешком, устроилась на мягком сиденье, обтянутом нежным серым велюром. Было прохладно и уютно. Всю дорогу мы болтали о работе, моём вредном шефе и последней командировке Бердаха в Ташкент. Шутя, он неожиданно предложил:

– Хочешь, в следующий раз поедем вместе? Не всё же вашему шефу в столицу мотаться. Пожилой он уже человек, пора и отдохнуть.

– Ага, ты ему об этом скажи, а не мне. Он у нас козликотом скачет, как завидит юбку чуть выше колен, ты же про преклонный возраст говоришь, – рассмеялась я.

– Ого! Я и не знал, что он у вас ещё орёл-мужчина. Обычно держится дряхлым аксакалом,² важничает при встречах со мной, еле руку подаёт, – наигранно удивился Бердах.

Вечером, сидя перед стареньким чёрно-белым телевизором, вспомнила слова Бердаха о командировке в Ташкент и усмехнулась его наивности. Разве мой начальник пойдёт на то, чтобы кого-то вместо себя в управление отправить? А было бы хорошо съездить в столицу и развеяться там. Особенно сейчас, когда у нас пыльные бури с песком и нестерпимое пекло, а там – прозрачные фонтаны на улицах и в скверах, тенистые аллеи и улицы с ароматными розами по обочинам. Эх, мечтать не вредно, а очень вредно. И Бердаху хорошо говорить мне про командировки, – сам летает туда-сюда по делам чуть ли не каждые две недели. Его начальство не любит мельтешить перед высокими чиновниками в головном управлении, вот и отправляют ведущего молодого специалиста, мой же всё сам да сам. И такая меня досада взяла на всех и всё, что слёзы сами покапали из глаз. Я уже не видела, что идёт по телевизору, погрузившись в мрачные размышления о несправедливой жизни. Жалея себя и плача, не сразу услышала телефонный звонок, тихонько тренькавший в прихожей на полке под зеркалом. Когда подошла, он уже замолчал, равнодушно уставившись на меня пожелтевшим от времени пластмассовым диском. Мельком глянув в зеркало и ещё больше расстроилась: опухшие красные глаза, губы как две перезрелые сливы и набухший нос – всё вместе составляло несчастное лицо старой девы-бухгалтерши с красивым именем Лана, которую вот уже четыре года не отпускают в отпуск летом, принуждая париться в закутке-кабинетике без кондиционера. Телефон зазвонил ещё раз. В трубке раздался весёлый голос Бердаха:

– Добрый вечер, Лана!

– Ага, добрый.

– А что ты такая сердитая? Кто-то обидел?

– Ага, жизнь обделила. Мимо прошла с мешком счастья, не заметив меня во втором ряду.

² Аксакал – почтенный старец на Востоке. Пожилой мужчина, убелённый сединой.

– Хм, я думал, что она как комета, которую за хвост нужно ловить, – продолжал веселиться на том конце провода Бердах.

– Нет, это удачу ловят за хвост, а жизнь – это Дед Мороз с подарками, у которого всегда есть любимчики. Кому даёт всё, а кому – шиш с маслом, – я продолжала жалеть себя.

– Считаю, что сейчас жизнь к тебе повернулась светлым боком. Утри слёзы и приходи к моему брату в гости. Тут такая банза³ намечается с бешбармаком⁴ и ледяной водкой, только тебя и не хватает, – энтузиазма ему было не занимать.

– Нет, Бердах, я не пойду, у меня голова болит, – попыталась я увильнуть от приглашения, разглядывая своё зарёванное лицо в зеркало. – И брата твоего я почти не знаю. Неудобно вот так, без приглашения.

– А Фатиму нашу ты тоже не знаешь? Она сказала, что вы в одном классе учились и твой номер телефона дала. Ладно, сейчас сам к тебе приду. Напомни мне адресок, пожалуйста.

– А ты никогда его и не знал, – фыркнула в трубку.

– Ладно, спрошу у снохи или буду звонить в двери всем твоим соседям подряд, пока тебя не найду. Дом-то я твой уже знаю.

И отключился. Я заметалась по квартире, пытаюсь умыться, переодеться и причесаться одновременно. Пришлось сесть в кресло, сосчитать до двадцати и глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться. «В конце концов, чего я так переполошилась? Фатимка – моя одноклассница, мужа её Кунграда тоже знаю. Ну, пригласили на бешбармак. Что такого?» – размышляя, почти спокойно выбрала платье, припудрила лицо и подкрасила глаза, соорудив из непослушных длинных волос что-то вроде башенки на макушке.

Бердах, как предупредительный кавалер, дал мне время на сборы и явился спустя полчаса, когда я, уже разодетая и надушенная, стояла у двери, наблюдая за лестничной площадкой в глазок. Глядя на него, вбегавшего по лестнице, невольно залюбовалась: подтянутая спортивная фигура, никаких намёков на пивной животик, красивый загар и гордая посадка головы говорили о хорошей породе и правильном образе жизни нашего нового инженера. Чёрные выющиеся волосы и щегольские усики делали его похожим на героев французских романов. «Милый друг» – пришло на ум из Мопассана. Подавив смешок и для приличия выждав пару минут, отворила дверь, всем своим видом показывая, что иду в гости не по своей воле, а только по принуждению с его стороны. Он же, заметив мои припухшие глаза, бросал украдкой удивлённые взгляды, пока я закрывала дверь.

Проходя мимо сидящих на скамейке у подъезда соседок, Бердах громко поприветствовал всех сразу:

– Салем бердик, апалар!⁵

– Салем, салем! – загалдели они, с любопытством разглядывая моего спутника.

– Бизим синлимни, сорамай, кайда алып кетип баратырсан?⁶ – пьяно хихикая, спросил сосед с первого этажа, подмигивая женщинам.

Те зашикали на него, стыдя и выговаривая за длинный язык, а сами исподтишка наблюдали, куда мы идём. Чтобы облегчить им жизнь, невозмутимо попросила:

– За квартирой приглядите, пожалуйста. Я к Фатиме в гости иду, скоро буду.

– Ой, конечно, барагой. Карап турамыс. Фатимага салем айт, если что,⁷ – ответила за всех старшая по подъезду Мадина, любившая вставлять в каракалпакскую речь русские слова.

³ Банза – вечеринка на сленге 80-90-х гг. XX века. Слово пришло из корейского языка.

⁴ Бешбармак – варёные в мясном бульоне квадратики пресного теста. Традиционное казахское и каракалпакское блюдо.

⁵ Здравствуйте, сёстры! (каракалпакский язык).

⁶ Куда уводишь мою сестрёнку, не спросив разрешения? (каракалпакский язык).

⁷ Ой, конечно, иди. Будем приглядывать. Передавай привет Фатиме (каракалпакский язык).

Отойдя на приличное расстояние, чтобы соседки не услышали, Бердах передразнил: «Конечно, барагой, а мы за тобой проследим». Я прыснула и оглянулась. Все действительно смотрели нам вслед.

У Фатимы с Кунградом я была всего несколько раз за всё время, как переехала в микрорайон, придумывая отговорки на её приглашения прийти на чай. Казалось, что я лишняя в чужом доме, где росли мальчишки-близняшки, колготились многочисленные родственники и во главе стола частенько важно восседала мать Бердаха и Кунграда. Но сегодня не было ни свекрови, ни родни, ни шумных детей, а только мы четверо.

Бросая кусочки теста в кипящий бульон, я старалась не смотреть на подругу, чтобы она не заметила мои заплаканные глаза. Она же, не глядя на меня, раскатывала тесто и щебетала, рассказывая о проделках сыновей, жалуясь на жару и сетуя на выросшие цены на сахар. «Варенье нужно варить, а сахар такой дорогой на базаре. И, знаешь, эти торговцы бессовестные, мешки водой поливают, чтобы тяжелее был сахар. Покупаешь пять кило, а потом оказывается, что полкило недовесили. Представляешь?», – спрашивала она меня, ловко нарезаая тесто ровными квадратиками. Стало неловко оттого, что не могу поддержать разговор о ценах и варенье. «Откуда мне знать такие тонкости, – подумала грустно, – обычно варенье варит мама, сахар откуда-то берёт папа, я же осенью получаю свою порцию банок с наклеенными бумажными этикетками, на которых маминым размашистым почерком написано название». Фатима, не дождавшись ответа, продолжала рассуждать о ценах, только изредка поглядывая на меня, словно ждала, когда же я задам тот самый вопрос, что вертелся на кончике языка, – а зачем вообще меня пригласили? Но я упорно молчала, решив, что та сама скажет. Так и вышло.

Выцедив бешбармак на большой палаутабак,⁸ я укладывала сверху теста куски мяса, поливая все тузлуком,⁹ когда подруга, как бы извиняясь, сказала, что ужин сегодня попросил устроить Бердах, чтобы поближе со мной познакомиться. Я замерла с ложкой в руке, не веря своим ушам. В том, что это была идея Фатимы свести меня с деверем, я нисколько не сомневалась, подтверждением был и извиняющийся тон, каким она сказала про Бердаха.

– Фатимка, не умела ты врать и уже не научишься. Могла бы и прямо сказать, что спишь и видишь меня своей заместительницей в штабе снох, – улыбаясь ответила я как можно непринуждённое, чтобы не огорчить мою сваху.

– Ланка, честное слово, я ничего не подстраивала. Это Бердах мне все уши прожужжал. Ужин попросил устроить, даже на базар сам с утра съездил, – оправдывалась она.

– Идём в зал, бешбармак слипнется, – буркнула я, не зная как отнестись к новости.

– Фатима, Лана, скорее, водка остывает, – весело крикнул Кунград из комнаты.

– За что пьем-то? – спросила я, с усмешкой глядя на Бердаха.

– Как за что? За бешбармак! – сказал он и, слегка пригубив, поставил рюмку на стол.

В ответ на мои удивлённо приподнятые брови, сказал:

– Я же за рулём.

Провожая до дома, Бердах предложил утром поехать на работу на его машине. Молча кивнула, боясь сказать что-нибудь лишнее, и, пожав его руку на прощание, торопливо вошла в свой подъезд. Уже поднимаясь по лестнице на второй этаж, услышала: «Я подъеду в восемь».

⁸ Палау табак – часто металлическая, большая тарелка-поднос для плова и бешбармака.

⁹ Тузлук – подливка. Солёный бульон со специями и нарезанным тонкими кольцами репчатый луком.

Осенние переживания

С того дня мы сдружились с Бердахом, но отношения дальше ужинов в доме его брата и долгих телефонных разговоров ни о чём, не продвигались. Иногда он забегал во время обеда в бухгалтерию, где мы обычно пили чай с молоком и горячими лепёшками, но за стол не садился. И только после моих уговоров отламывал кусочек хлеба и выпивал пиалушку¹⁰ чёрного чая, стоя у окна. Девчонки поначалу подшучивали и предлагали ему определиться с выбором невесты, чтобы каждая из нас не мечтала зря, а после того, как увидели, что вечером мы уезжаем вместе на его «жигули», отстали от Бердаха, зато стали наблюдать за мной, пару раз намекнув, что его семья не из простых и вряд ли согласится женить его на полукровке. Я равнодушно пожимала плечами и отвечала, что он – не мой жених, дружить же никто нам не может запретить. А то, что во мне смешались славянская и азиатская крови, так это не порок, а преимущество, значит кровь у меня свежая и гены сильные. Внутри же всё замирало от неопределённости и страха. Сказать честно, платонические отношения меня саму уже тяготили. Хотелось знать наверняка – поженимся мы или нет, однако подходящего случая спросить у Бердаха об этом не было. Он всегда держался со мной естественно и мило, но не давал повода для двусмысленностей и чувственности.

Однажды глубокой осенью расчётный бухгалтер Сапаргуль, внимательно наблюдавшая за развитием нашего с Бердахом платонического романа, не выдержала и съязвила по поводу дружбы между мужчиной и женщиной, от которой обычно детки появляются. Затем выразительно посмотрела на меня и усмехнулась. Я почувствовала, что заливаюсь краской, и непроизвольно прижала ладони к горящим щекам. Говорить ей, что я не беременна, а просто немного поправилась осенью, – терять зря время, всё равно не поверит, а только утвердится в своей догадке и разнесёт сплетню по округе. Промолчать я тоже не могла, поэтому, стараясь не показывать виду, что она меня обидела, как можно презрительнее обронила, проходя мимо её стола: «По себе людей не судят, Сапаргуль. Если у тебя на уме только постель, то это не значит, что вокруг тоже все озабоченные». Она не сразу поняла, о чём я сказала, уставившись подслеповатыми глазами, – очки она во время обеда снимала. Когда же до неё дошёл смысл реплики, разразилась длинной, гневной тирадой о том, что я – наивная дурочка, которая и в тридцать лет не научилась разбираться в мужиках, видя в них не самцов похотливых, а только друзей. А вот когда милый друг Бердах меня обрюхатит и бросит с ребёнком, тогда, может быть, мои глаза и откроются, но будет уже очень поздно. Сапаргуль говорила и говорила, не в силах успокоиться, я же серьёзно задумалась о том, куда меня и вправду могут завести невинные пока отношения.

Вечером по дороге домой я решила поговорить с Бердахом и спросить его в лоб о наших, действительно, странных отношениях в глазах жителей провинциального городка. Пока я подбирала слова и думала, как поделikatнее начать разговор, Бердах опередил меня с вопросом об обеденном шуме в бухгалтерии:

– Сапаргулька чего-то там про мужиков говорила. Ликбез что ли у вас был на тему, как с нашим братом нужно ухо остро держать? – он коротко хохотнул, мельком глянув на меня, и продолжил. – В чём-то она, наверное, права. Бескорыстной дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, если только они не очень одухотворённые личности, оторванные от земных страстишек. Обычно мужчина добивается благосклонности женщины, чтобы быть с ней в близких отношениях, а уже после этого ясно – дружба у них или любовь. Насчёт женщин я мало знаю, но предполагаю, что у них мотивы куда серьёзнее, чем у мужчин. Им нужно создать семью, получить защитника и статус в обществе. Я не прав?

¹⁰ Пиала, пиалушка – в Каракалпакии так называют чашку для чая без ручки.

Очень хотелось коротко ответить: «Да, ты прав, и я мечтаю выйти за тебя замуж». Вместо этого я игриво выговаривала:

– Ах, ты бессовестный! Как тебе не стыдно чужие разговоры подслушивать, а потом ещё спрашивать моё мнение? Небось всё слышал, просто поиздеваться над девичьими страхами решил?

– Да не подслушивал я! Её всё управление, кажется, слышало. Я шёл с обеда и в фойе увидел несколько наших ребят, – они умирали от смеха у ваших дверей и подозвали меня, – оправдывался Бердах.

– И всё равно. Некрасиво подслушивать, а после ещё и пересказывать чужие разговоры, – не отступала я, играя роль правильной девочки.

– Все, куплю беруши и буду ими уши затыкать, когда мимо вашего отдела проходить придётся.

– Вот-вот. Мудрое решение.

Я замолчала, не зная как перевести тему разговора на нас. Легко в голове составлять предложения и представлять себе, как задашь тот или другой вопрос, и трудно озвучить, иногда, невозможно. Бердах продолжал шутливым тоном:

– Слушай, а почему Сапаргулька к тебе обращалась, пока выговаривалась? Ты что ли первая подняла вопрос отношения полов?

– Не я. Просто все уже устали в бухгалтерии гадать к чему приведут наши с тобой отношения. Наверное, и пари уже заключили, а её послали на разведку, чтобы узнать точно – собираемся мы пожениться или нет. Она меня весь перерыв провоцировала, пытаясь выяснить спим мы с тобой или нет, – выпалила я залпом и тут же пожалела о сказанном.

«Это конец. Сейчас он довезёт меня до дома, попросится и больше никогда не позволит и при встречах будет очень любезно, но холодно здороваться и интересоваться делами, думая про себя, какая я ограниченная клуша, – проносилось в голове. – Ну и пусть! Зато раз и навсегда выясню, нужна я хотя бы одному мужику на этом свете по-настоящему или нет. Перестанет общаться, значит, так и жить мне одной, а нет...» – размышления прервались, споткнувшись на том, к чему, честно говоря, я готова не была, витая в облаках влюблённости все эти месяцы. Конечно, мечты девичьи тлели в душе как угольки: пышная свадьба, красивая я в белом с тюлевой занавеской на голове, увенчанной венком, ну, и всё такое. Но не более. Дальше ЗАГСа моя фантазия не шла, подпитываемая детскими сказками. В них всегда счастливый конец со свадьбой и мёдом-пивом, а вот что потом случается с главными героями – тайна за семью печатями. А если без тюля и куклы на капоте «Чайки»? Что мне делать, если сюжет развернётся не традиционно, а по-другому?

Мои мысли прервал Бердах: «Ланочка, дорогая, откуда в такой милой головке такие слова, как „спим вместе“? Не поверю, что это твои слова и что ты о таком думаешь. Не слушай вредную Сапаргульку, она же старая дева злая, у которой за сорок лет её жизни не только мужа или жениха не было, но даже обычного воздыхателя», – шутливый тон и улыбка сбили меня с толку. Он не хотел отвечать на мой вопрос. Надежда поставить все точки над «i» пропала, а с ней и весь мой боевой настрой. Я сникла.

Глядя в окно на проплывавшие за окном пятиэтажки, бельё на балконах и тёмные фигуры людей, укутанные в чёрные куртки и серые драповые пальто, подумала, что скоро новогодние праздники. Папа с мамой подарят мне стиральную машинку или сервиз, прозрачно намекнув, что покупали это для приданого, но раз всё вот так складывается, то чего уж держать добро в ящиках, лучше пользоваться... Я буду реветь в своей комнате, выйду к столу без пяти минут двенадцать с красным, опухшим лицом и буркну поздравления под бой кремлёвских курантов в Москве, а потом уйду снова к себе и притворюсь, что сплю, чтобы не видеть растерянных папу и маму, невидящими глазами уставившихся в телевизор. Старательно буду не замечать то, как они постарели ещё на один год, и хоронят по кусочкам каждый год надежду выдать

меня замуж по-людски. Конечно, для них было смыслом всей их жизни устроить мою жизнь, чтобы всё было как у других семей в нашем маленьком городке.

В носу защипало. Предатели-слёзы уже текли по щекам. Достав носовой платок и сделав вид, что чихаю, я смахнула их и глубоко вдохнула всей грудью, пытаюсь подавить спазмы в горле. Бердах, кажется, ничего не заметил, весело рассказывая о каком-то новом индийском фильме. Понемногу я успокоилась и прислушалась к нему, однако ощущение, что между нами всё кончено, даже не начавшись, витало в воздухе, наполняя пространство машины печалью. Пошел дождь, и под скрип дворников я попрощалась с Бердахом у своего дома, сказав именно «прощай», а не «пока», как обычно. Он ответил «ага» и уехал, помахав рукой.

Дома устроилась на диване под пледом, слушая дождь за окном, и отдавшись на волю осенней печали. Хотелось горячего молока со свежей маминой булочкой и выплакаться, но слёз не было. Странно, впервые за много лет не было обычной истерики после расставания с ещё одним претендентом на мою руку. Похоже, это стало традицией, и я потихоньку превращалась в тёртую жизнью старую деву, которую уже ничем невозможно было удивить, тем более сбегавшим из-под носа кавалером. «Что ж, девственница с красивым именем Лана, отдайтесь первому встречному и получите удовольствие в плотских утехах. Ваш принц на белом коне уже не прискачет и не увезёт вас в дальние края в свой замок», – произнесла вслух нарочито бодрым голосом и вылезла из-под уютного пледа, чтобы согреть молоко.

Почему-то сегодня молоко было безвкусным. Выпив всю кружку залпом, хотела опять устроиться на диване, но передумала и подошла к окну. Глядя в темноту, перебирала в памяти всех знакомых мужчин, выбирая кому подарить свою девственность, однако не нашла достойного кандидата и улыбнулась. Представляя их всех без одежды, разразилась уже хохотом. Голые Рустам-одноклассник или сын друзей родителей Вовка выглядели комично. И, хотя я их никогда такими не видела, представляла себе всё живо, дивясь своей буйной, недевической фантазии. Вот, Вовка, прикрывая своё хозяйство ладошками, стоит и мёрзнет на холодном линолеуме, переминаясь с ноги на ногу. А Рустам, выставив руки вперёд, по-обезьяньи идёт ко мне, сложив губы трубочкой для поцелуя. Как я не старалась, представить голым Бердаху никак не получалось, – видела его сидящим в машине и машущим мне на прощание. «Фу ты, Господи, какая глупость!» – еле слышно прошептала, отсмеявшись.

Печаль прошла, выплеснувшись вместе со смехом, уступив место жажде деятельности. Достав корзинку с разноцветными нитками и вязальный крючок, включила телевизор и села на диван, решив связать тапочки-пяточки¹¹ для мамы. Пальцы проворно двигались, привычно разматывая клубок и вывязывая петли, а глаза бегали от вязания к телеэкрану и обратно. Зазвонил телефон, но мне не хотелось бросать начатую работу и передачу «Вокруг смеха», поэтому я решила подождать немного в надежде, что звонившие положат трубку, подумав, что меня нет дома. Телефон продолжал звонить с короткими интервалами, как бы вбирая в себя воздух, чтобы раззвонить тишину моей квартиры ещё раз.

– Аллю!

– Ланочка, это я. Доброго вечера! – Бердах говорил спокойно, без обычного веселья.

– Доброго, Бердах!

– Что делаешь?

– Смотрю телевизор и вяжу.

– Значит, не сильно занята?

– Как тебе сказать... Не очень, – протянула неохотно. Говорить с ним не хотелось, ведь я уже всё решила для себя. О чём ещё говорить?

– Знаешь, я хотел напроситься к тебе в гости.

– Прямо сейчас?

¹¹ Пяточки – вязанные тапочки с задниками.

– Нельзя? Тогда, может быть, завтра?

– Тебе не лень через весь город под дождём ехать в микрорайон?

– Я и не уезжал. Сiju у Кунграда до сих пор.

– Ну, приходи, если хочешь. Только я ничего не готовила на ужин.

– Меня Фатима накормила, не волнуйся. Тебе принести что-нибудь перекусить? Она плов готовила.

При слове плов мой пустой желудок громко заурчал, подавая знаки, чтобы я вспомнила, что за весь вечер ничего не ела, кроме кружки молока.

– Было бы неплохо. Тем более Фатимкин плов всегда вкусный, но, блин, неудобно же.

– Я мигом.

Бердах пришёл быстро, держа в руке касу,¹² накрытую тарелкой. Есть по его настоянию пришлось сразу же, чтобы плов не остыл. Усевшись в кресло, он смотрел, как я, скрестив ноги, сидела на диване и уплетала ужин, переданный заботливой подругой.

– Люблю смотреть на девушек, которые едят с аппетитом, а не жеманятся в компании мужчины, – заметил он, когда я, закончив есть и шла мимо него в кухню, чтобы помыть посуду.

– У меня осенью всегда отменный аппетит, потому и поправляюсь на пару килограмм, жирок коплю на зиму как медведь, – усмехнулась, вспомнив намеки Сапаргуль на мою округлившуюся фигуру.

– А я похудел за последние месяцы – все дома заметили. Мама разволновалась и предложила съездить к врачу. А отец шутит, что это любовная лихорадка.

– И кто же та юная особа, из-за которой вы сохнете, уважаемый? – чувство юмора вернулось ко мне.

– Я не сохну. Я терпеливо жду, когда ледяная особа, стоящая сейчас напротив меня, обратит внимание на скромного своего друга и прекратит весь этот спектакль с намеками и недомолвками, – Бердах выжидательно смотрел, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди.

Я старательно тёрла сухую уже касу полотенцем, не поднимая головы. Сердце бешено стучало в груди, отправляя горячие волны по всему телу, ноги подкашивались, но я упорно вытирала чашку, чувствуя, что нужно сказать что-то и поднять голову, но не могла заставить себя ничего сделать. Бердах подошёл и забрал из моих рук полотенце с касой, затем приподнял мой подбородок и заглянул в глаза. На мгновение, я потеряла равновесие, забыв как нужно стоять вертикально, и уткнулась ему в плечо, обняв за талию. От него пахло одеколоном, чистой и чем-то очень родным, почти позабытым. Так пах папа в моём детстве, когда приходил с работы и обнимал свою любимую Ланку, чмокая в нос.

Мужчина, чужой для меня ещё полчаса назад, вдруг стал близким и знакомым, как будто мы вместе уже не один день. И поцелуй его не оказался неожиданностью, а был принят как долгожданная награда за месяцы ожидания и волнения. В голове проносились неясные образы: развевающаяся на сквозняке белая лёгкая занавеска, рассыпающиеся из букета алые розы, девушка в длинном платье с цветочным венком на голове, сине-зелёная гладь воды, серебристый песок под ногами. Затем всё пропало, и я, открыв глаза, увидела близко-близко лицо Бердах. Он смотрел на меня в упор, едва улыбаясь уголками губ. Улыбнувшись в ответ, я огляделась вокруг, ожидая увидеть всё что угодно, но не мою тесную кухню. Всё было таким же, как несколько бесконечных минут назад, но я уже была другая – лёгкая, окрылённая нежными прикосновениями и поцелуями любимого человека. Казались смешными мои недавние сомнения и слёзы, обидные слова Сапаргульки и ирония Бердах по поводу отношения полов, – всё казалось нелепым и глупым по сравнению с этим моментом. Я засмеялась тихонько, вновь уткнувшись в плечо Бердах.

¹² Каса – глубокая тарелка для бульона и вторых блюд.

– Ланочка, милая, а я ведь влюбился в тебя с первого взгляда. Вру, со второго, когда увидел тебя за столом в твоей конторе, заваленным бумагами, счётами и калькулятором.

– А когда был первый взгляд? – томно спросила я, прекрасно зная ответ на свой кокетливый вопрос.

Впервые мы встретились шесть лет назад на свадьбе его брата с Фатимкой. Нас выбрали свидетелями молодожёны. Тогда мы провели вместе весь день, катаясь по нашему городку на новой чёрной «Чайке», украшенной воздушными шариками и лентами, зачем-то вставая с женихом и невестой под каждое скандирование «Горько!», танцуя нелепый «Вальс свидетелей». Вернее, танцевал Бердах за нас обоих, я же волочилась за ним, едва успевая переставлять деревянные от усталости и высоких каблуков ноги.

– Первый раз на свадьбе Кунграда я тебя хорошо не рассмотрел, боялся даже взглянуть лишний раз, – ты была надменная и неприступная как статуя в парке. Только когда танцевали, что-то человеческое уловил в твоём взгляде, какую-то печаль.

– У меня от новых туфель мозоли болели, и ноги страшно устали от каблуков, – хихикнула я, разрушив романтический момент.

– Мозоли? – рассмеялся Бердах. – Значит, ты тогда скривилась от боли, а я решил, что это девичья печаль?!

Приступ смеха сменился новым поцелуем, после которого мы в обнимку перешли в комнату и устроились в кресле, лаская друг друга. Его горячие губы нежно прикасались к моей шее, ключице, опускаясь ниже и ниже. Пуговицы кофточки расстегивались под его нетерпеливыми тонкими пальцами, обнажая напрягшуюся грудь. Окунувшись в негу, я не соображала ничего, однако, когда Бердах расстегнул замочек юбки, непроизвольно вскочила с кресла и, отвернувшись, судорожно начала застегивать пуговицы кофты и поправлять сбившуюся юбку.

– Что с тобой? – промурлыкал он, обняв меня за талию сзади.

Я молчала, не зная что ответить.

– У тебя «красные» дни? – не отставал он, продолжая ласкать грудь сквозь кофту.

Чувствуя, что сейчас упаду в обморок от желания, захлестнувшего меня с новой силой, пробормотала:

– Я боюсь. Это первый раз.

– Ты – девственница? – в возгласе Бердаха прозвучало неподдельное удивление, смешанное со страхом.

– А ты как думал? Конечно.

Не говоря ни слова, он развернул меня к себе и внимательно заглянул в глаза. Господи, сколько нежности и любви излучали его глаза, сколько страсти и желания. Устоять перед этим взглядом было невозможно, и я сама потянулась губами к его шее. Спустя какое-то время Бердах нежно отстранил меня и уже нормальным голосом спросил:

– Можно у тебя спросить кое-что? Только, чур, не обижаться, ладно?

– Спрашивай.

– У тебя никогда не было парня, который бы хотел близких отношений?

– Были, но я не хотела терять девственность до свадьбы. А до свадьбы дело так и не дошло.

– А сейчас?

– Что сейчас?

– Ты готова подарить её мне, или будешь ждать свадьбы?

Вопрос поставил в тупик. Отдаваясь его ласкам, я не думала о девственности и свадьбе. И вдруг в мозгу щёлкнуло – он сказал о свадьбе.

– Это предложение? – я затаила дыхание, ожидая ответа.

– Да. Прости, что я не стою на одном колене и не держу в руках бархатную коробочку с золотым кольцом. Но всё это обязательно будет, обещаю тебе, милая.

Счастье подкатило откуда-то изнутри, из глубины тела и упёрлось в горло, сдавив его сладкими спазмами. Обняв Бердаха за шею и не в силах сказать что-то, глупо улыбалась, не сводя глаз с репродукции картины Крамского «Неизвестная» на стене. Впервые в жизни я внимательно разглядывала девушку, сидящую в пролётке: чёрный бархатный берет с белым пером, бархатное же пальто, или как они эту одежду в те времена называли, руки в меховой муфте и гордый взгляд. Нет, не то что гордый, он – презрительный. И вот эта Неизвестная смотрит на меня сверху вниз, и в её взгляде читается: «Ты такая же как и все женщины, не знающие себе цену. Тебя приласкали и ты готова отдать самое дорогое, что хранила все эти годы, первому встречному. Где твоё достоинство?». Отведя глаза от картины, я прошептала ему на ухо: «Я хочу всё это в первую брачную ночь», – сделав ударение на «всё это». Пауза затянулась, и я уже пожалела, что сказала о первой брачной ночи, ругая себя за излишний романтизм и древние взгляды на то, с чем мои подруги расстались сразу же после школы, как с надоевшей школьной коричневой униформой. Бердах ещё раз поцеловал и посмотрел на часы.

– Ланочка, милая, я пойду. Завтра поговорю с родителями и скажу тебе, когда они приедут к твоим свататься. Не волнуйся, моя красавица, всё будет, как ты мечтала.

Что я могла сказать? Он читал мои мысли и угадывал желания, хотя, наверное, у всех молоденьких девушек мысли и желания одинаковые. Но мне-то уже почти тридцать, а я всё ношусь со своей девственностью, как с писаной торбой, и мечтаю о кипельно-белом подвенечном платье с длинным газовым шлейфом.

Ночью не сомкнула глаз, ворочаясь с боку на бок и боясь поверить в то, о чём сказал на прощание Бердах. Желание быть безмерно счастливой боролось с моим извечным страхом под названием «как бы чего не случилось», в конце концов, я решила быть счастливой, но не терять бдительности при этом. Страх отпустил, уступив место фантазиям: свадьба в ресторане «Кырк кыз», чёрная «Чайка» с куклой на капоте, Центральный ЗАГС, марш Мендельсона, красные гладиолусы к «Вечному огню» и розовые розы в моих руках. Где-то в уголке подсознания маячила мысль, что свадьбу придётся отложить до весны, чтобы не месить грязь в белых туфлях-лодочках и не мерзнуть в тонком платье зимой, но я старательно её отгоняла, не желая омрачать красивые мечты.

После работы, несмотря на морозящий мелкий дождь, пошла на базар за мясом и овощами, чтобы приготовить ужин и удивить Бердаха. В то, что он приедет вечером, я несколько не сомневалась, окрылённая вчерашними признаниями и поцелуями. По дороге решила, что запекую кусок говядины со сметаной и картошкой в духовке и приготовлю пару свежих салатов, поэтому сначала направилась в мясной ряд.

Выбирая кусок получше и внимательно следя за мясником, старавшимся подложить побольше костей в чашку весов, не заметила Фатиму, которая тоже покупала мясо. Пока мы здоровались, продавец всунул в пакет большую кость, из-за чего пришлось с ним спорить до хрипоты в два голоса. В конце концов, я настояла на своём и, получив красивый кусок говядины с мелкими косточками, победно ушла с Фатимой под ручку. Покупая овощи внутри крытого рынка и обмениваясь новостями, мы незаметно подобрались к нашим с Бердахом отношениям. Вернее, я рассказала о вчерашнем разговоре и предложении о замужестве, ожидая от неё поздравлений. Но она как-то странно глядела на меня, пока я говорила, а затем тяжело вздохнула и вместо восторженных охов и ахов отчеканила: «Вряд ли моя свекровка согласится на ваш брак. Она уже ему невесту приглядела и собирается свататься перед Новым годом. Она ни в какую не хочет сноху европейку». Остановившись у прилавков с корейскими салатами, я ошарашенно глядела на подругу, надеясь, что она пошутила. Фатимка погладила меня по рукаву пальто и, заглянув в полные слёз глаза, добавила: «Но ты держись, Ланка. Бердах – не мямля и просто так не сдастся, может быть, ещё всё образуется у вас, и мама не будет сопротивляться. Я Кунграда тоже подключу, чтобы на неё повлиял. Не в средневековье же живём, в конце концов».

Молодые кореянки наперебой предлагали нам попробовать салаты, протягивая вилки с нанизанными солёными огурцами и нашинкованной соломкой морковкой, но меня тошнило от запахов специй и хотелось поскорее вырваться из этого галдящего мира на свежий воздух, поэтому я, торопливо бросив «Пока» подруге, скорым шагом направилась к воротам. Она попыталась остановить меня и что-то говорила вслед, однако я ничего не слышала. В голове молоточками звучали её слова: «Она не хочет сноху европейку, она не хочет сноху европейку, она не хочет сноху европейку».

Стоя в переполненном троллейбусе, не замечала толкотни вокруг и ругани пассажиров, уцепившись за поручень одной рукой, а другой держа, ставшей вдруг ненавистной, базарную сумку, я с остервенением мысленно ругала себя, обвиняя в наивности, дурости и идиотизме. «Как ты могла, – распинала я себя, – забыть, что ты не каракалпачка, а какая-то там смешанная с русскими татарка, инородка, понимаешь ли. Мало ли, что ты по-каракалпакски говоришь без акцента и традиции знаешь, но кровь в тебе другая течёт. Значит, не ко двору ты пришлась почтенному семейству, заботящемуся о чистоте кровей. А то раз мечталась, как шестнадцатилетняя девочка. Сейчас, ага, придут они просить твоей руки у урусов!»¹³ Разбежались. И даже их папа-коммунист с чёрт знает какого года не сможет маме-националистке поперёк слова сказать. Это он у себя в кабинете в министерстве коммунист-интернационалист, а дома обычный мужик-подкаблучник».

Увлёкшись самобичеванием, чуть не проехала свою остановку. В последний момент, очнувшись, закричала водителю на весь салон троллейбуса: «Шопир, тохта! Тусип калайин».¹⁴ Под смех пассажиров выскочила из двери и угодила прямо в лужу. Новые кожаные сапоги на «манке»¹⁵ погрузились в грязную воду до самых замков. И тут я расплакалась от обиды. Поводом были заляпанные сапожки, но плакала я от того, что не знала, что мне теперь делать, как жить дальше, кому верить, если человек, которого я полюбила, не может быть со мной только потому, что у нас разная национальность, если близкая подруга-каракалпачка не знает, как помочь, если пресловутые традиции и обычаи для родителей важнее счастья детей, а вдалбливаемая в наши головы коммунистическая идеология с её интернационализмом и дружбой народов в реальной жизни просто лозунг. Подойдя к подъезду, столкнулась с соседкой Мадиной. Видя, что я плачу, она остановилась, схватила меня за рукав пальто и обеспокоено спросила: «Не болды? Почему плачешь? Кто обидеть кылды? Айтсац!».¹⁶ Не в силах говорить, я заревела во весь голос и уткнулась в её плечо. Приобняв меня, она вернулась в подъезд и довела до квартиры, неся авоську с продуктами и успокаивая: «Коягой, айналайн. Жылама. Всё пройдёт».¹⁷ Дома Мадина помогла мне раздеться и, усадив на диван, ушла готовить чай на кухню, приговаривая: «Все пройдёт, жаным».

Обжигаясь горячим чаем, я взалёб рассказывала ей о Бердахе, его предложении пожениться, Фатимкиных словах, моих мечтах о красивой свадьбе и желании матери любимого женить его на каракалпачке. Соседка внимательно слушала, не перебивая и не вставляя русско-каракалпакские реплики, как она любила делать в разговоре. Дождавшись, когда я выговорюсь, она произнесла спокойно:

– Не обижайся на его маму и пойми её правильно. Она хочет сохранить большую крепкую семью, чтобы каждый в ней был счастлив и чтобы у всех было одно мнение о разных вещах. Ты – не каракалпачка, и у тебя другие взгляды на жизнь и на семью, потому что ты росла в других условиях, и тебя родители воспитывали не как нас. Поэтому его мать боится, что

¹³ Урус – так называют русских в странах Центральной Азии.

¹⁴ Шофер, остановись! Дай мне выйти (каракалпакско-русский язык).

¹⁵ Манка – светло-жёлтая подошва на обуви, модная в 80-х гг. XX в.

¹⁶ Что случилось? Почему плачешь? Кто обидел? Говори! (каракалпакско-русский язык).

¹⁷ Перестань, милая. Не плачь. Всё пройдет (каракалпакско-русский язык).

с тобой придёт разлад в семью, а братишки Бердаха тоже захотят взять в жены не своих. И ещё, она хочет так женить сыновей, чтобы потом общаться на равных с родителями невесток, быть с ними в одном котле и варить общий бешбармак. А с твоими родителями-европейцами она никогда не будет чувствовать себя удобно.

– Почему? – тихо спросила я, не желая вникать в смысл сказанного Мадиной.

– Ой, жаным,¹⁸ разные вы, очень разные. И никогда одинаковыми не будете, даже если ты примешь ислам и откажешься от родителей.

– Я итак мусульманка по папе, он же – татарин.

– А воспитание у тебя всё равно русское от матери. Смирись, жаным. Встретишь русского или татарина и всё у тебя сложится хорошо. Мой тебе совет – забудь о Бердахе. Лучше выходить замуж за парня своей национальности, чтобы потом не было проблем. Поначалу вы не будете замечать разницу, но со временем начнутся ссоры и скандалы из-за разных мелочей.

– Я буду стараться, я же все традиции знаю, – цеплялась за последнюю надежду, понимая, что не поможет.

– Жаным, не переживай ты так, – соседка смахнула набежавшую слезу краем красного японского платка. – Сколько времени, Лана? Ой бой! Мне бежать нужно, муж уже, наверное, пришёл с работы, ругаться будет, что я не дома.

Мадина ушла, оставив меня у открытой двери. Она неслышно спускалась по лестнице, перебирая ступеньки новыми блестящими калошами и кутаясь в велюровый голубой халат с чёрными узорами. Красный платок скрывал волосы, оттопыриваясь на макушке, где они были собраны в тугий пучок. Я закрыла дверь и посмотрелась в зеркало. Молодая стройная женщина с немного округлившимися боками, одетая в чёрную водолазку и серую в чёрную клетку расклешенную юбку, смотрела на меня, немного насупившись. Чёрные большие глаза, обрамлённые длинными ресницами, блестели от недавних слёз, густые брови сдвинуты на переносице, а пухлые губы со следами розовой помады упрямо сжаты. Волосы растрепались, несколько прядей выбились из причёски, закрыв маленькие уши. «Фурия, – обозвала я себя вслух, поправляя волосы, – а лучше – ведьма. Не тянешь ты на каракалпачку, хоть ты и не блондинка. Ну и ладно. Зато красивая».

Мама сняла трубку сразу же, как-будто сидела у телефона и ждала моего звонка. Я не стала рассказывать ей ничего о себе, спросив о её и папином здоровье. Она поохала, пожаловавшись на давление, которое у них обоих скачет вместе с атмосферным давлением, посещала на магнитные бури и тут же успокоила меня тем, что они неделю пьют воду, «заряженную» самим Аланом Чумаком¹⁹ по телевизору. «Ты знаешь, помогает! Как посижу у телека, когда он выступает, а потом попью водичку и лучше себя чувствую», – подытожила она бодро. Мне стало смешно, но разубедить легковерную телеманку-маму было невозможно, поэтому я промывчала что-то дежурное про шарлатанов от ТВ и пожелала ей спокойной ночи. Однако мама не собиралась прощаться и продолжала рассказывать мне о своём любимом Чумаке, ругая при этом «чёрного мага» Кашпировского, который, оказывается, насылает порчу на всех, кто смотрит его телесеансы. Потом она предложила и мне «зарядить» воду и пить её по утрам до рассвета, а лучше – тюбик зубной пасты, чтобы кариеса не было. Было слышно, как папа на том конце провода зовёт маму посмотреть очередной телесеанс, но она не реагирует, поглощенная давлением бесплатных советов. В конце концов, я устала слушать весь этот бред о чумаках и кашпировских, торопливо извинилась, сказав, что у меня казан на плите, и предупредив её, чтобы не будила меня в выходные звонками. «Буду отсыпаться. Пока. Папке привет», – произнесла привычное скороговоркой и бросила трубку. Подумав немного, выдернула шнур телефона из гнезда. От души отлегло. Родители ничего не знают о моём романе с Бердахом,

¹⁸ Перестань, милая. Не плачь. Всё пройдет (каракалпакско-русский язык).

¹⁹ В конце 80-х XX в. телесеансы целителя и экстрасенса Алана Чумака собирали у экранов телевизоров весь Союз.

а то бы мама забросала меня вопросами и советами, как правильные девушки должны вести себя с парнями, у которых на уме только одно. «Значит, давления с их стороны не будет, и то хорошо», – подумала, облегчённо вздохнув. Выдержать родительскую любовь в виде нотаций и укоризненных покачиваний головы было выше моих сил сейчас.

От родителей я убежала всего два года назад, перед тем как мы похоронили дедушку, маминого отца. В свои семьдесят лет он продолжал работать в школе учителем физкультуры и жил в новой однокомнатной квартире вдовцом, когда я перебралась к нему с чемоданом своей одежды и любимой репродукцией «Неизвестная» Крамского. Дед ничего не сказал, а только в тот же день купил диван и два кресла в комнату, перенёс свою кровать на балкон. На мои протесты, отмахнулся, давая понять, что спорить с ним бесполезно. Спать ложился он поздно, читая в постели журналы и газеты, просыпался рано, гремя чайником и тарелками на кухне, говорил мало, в отличие от моих родителей, поэтому ужились мы с ним прекрасно, не мешая друг другу ни в чём. А одним весенним утром он не проснулся. Я даже не поняла сначала, что с ним: трясла за плечи, гладила холодное застывшее лицо, целовала закрытые глаза, пытаюсь согреть их. Когда до меня дошло, что дед умер, заорала диким голосом и побежала тарабанить в двери соседей, не догадавшись позвонить родителям. Так и осталась жить в квартире деда, благо, что он меня прописал до этого у себя и каким-то макаром умудрился оформить её на меня. Положив однажды новую домовую книгу передо мной, на обложке которой были аккуратно выведены моё имя и фамилия, дед произнёс: «Тебе в подарок на свадьбу, если не доживу». Как в воду глядел. Не дожил.

Вспомнив про мясо и овощи, пошла на кухню, по-старушечьи шаркая тапочками по линолеуму. Все полетело в холодильник до лучших времён, когда у меня будет настроение готовить еду, если оно будет когда-нибудь. В то, что Бердах придёт сегодня, не верилось. Вероятно, у него сложные переговоры с родителями. Звонить же ему не хотелось, чтобы не ставить в глупое положение. Вчерашний вечер казался далёким и неправдоподобным, я даже засомневалась, – был ли он в реальности, не родило ли его моё больное девичье воображение? «И вообще, мужчины с этого дня меня больше не интересуют!» – громко произнесла я, адресуя слова кому-то за тёмным окном кухни. Говорят же о старых девах, что у них в какой-то момент на почве замужества в голове пунтик возникает, и они понемногу чокаются, превращаясь в мужененавистниц. У меня ещё не последняя стадия сумасшествия, а только пора розовых фантазий, но чем чёрт не шутит, кажется, уже во мне рождаются зёрна сомнений в необходимости выходить замуж. А там рукой подать и до ненависти к противоположному полу. «И буду я бабкой-девой старой с закостеневшей девственной плевой, на дух не переносящей мужчин и всё, что с ними связано. Сяду на скамеечке у подъезда, обопрусь на клюку и начну ругать всех мужиков-скотов на чём свет стоит, проклиная их семья», – поставила вслух диагноз себе и рассмеялась.

Завалилась в постель раньше девяти, решив отоспаться за всю неделю. «Какое счастье, что есть на свете ноябрьские праздники», – была последняя мысль перед тем, как заснуть. Проснулась от продолжительного звонка в дверь. На часах было без пяти минут десять, за окном – светло. Не соображая со сна что к чему, пошла открывать, накинув халат на ночную рубашку, и не глянув в глазок. На площадке стоял Бердах, держа меховую норковую шапку перед собой. Сон тут же пропал. «Заходи», – буркнула я и забежала в ванную комнату, прикрыв за собой дверь. Выйдя умытая и причёсанная через минут пятнадцать, нашла раннего гостя на кухне. Закатав рукава рубашки и повязав мой фартук, он жарил яичницу. Увидев меня, заключил в кольцо, поцеловал в нос, лоб и губы, потёрся гладко выбритой щекой о мою щёку, промурлыкав: «Доброе утро, соня!». Я чуть не заурчала от удовольствия, как сытый котёнок, и собралась уже поцеловать в ответ, но он резко повернулся и с возгласом «Спалил!» схватил сковороду за чугунную ручку. Тут же отпустил, тряся обожжённой кистью в воздухе. Я выключила газ и взяла его руку в свои, чтобы посмотреть, не сильный ли ожёг. Осторожно подула,

затем поцеловала, едва касаясь губами горячей ладони, и замерла, слушая, как пульсирует его кровь. От вчерашнего решения навек покончить с мужчинами не осталось и следа, и я вновь погрузилась в любовную негу.

Яичница не сгорела, получившись настоящей «Глазуньей», и была съедена мною в считанные минуты под одобрителем взглядом Бердах. За нею же пошёл бутерброд с маслом, запитый пиалой чёрного чая с молоком. Намазывая масло на хлеб и поглядывая на меня, мой любимый улыбался, не притрагиваясь к своему завтраку. Наевшись, я стала уговаривать перекусить и его, но он только выпил чай, сказав, что рано утром уже позавтракал.

– Какие у тебя планы на выходные? – спросил Бердах после завтрака и мытья посуды.

– Никаких. Буду отсыпаться. А что?

– Хотел предложить тебе слетать со мной в Ташкент.

– Куда? – я обалдела уставилась на него, не веря своим ушам.

– В Ташкент. Смотри, рейс сегодня в обед, обратный в воскресенье вечером. У нас в запасе два с половиной дня. Там сейчас солнечно и не так холодно, как у нас. Я утром прогноз погоды по радио слышал. Полетели?

– Бердах, но это же сумасшествие, тратить столько денег только на два дня. И потом, что я маме с папой скажу? А ты что своим скажешь?

На этом месте я вспомнила о разговоре с Фатимой и тут же настроение испортилось.

– И ещё. Мне не хотелось бы, чтобы у тебя были конфликты дома из-за меня. Зачем заставлять нервничать родителей зря, если всё равно всё будет так, как они решат?

– Ты о чём? – Бердах выглядел растерянным.

– Я всё знаю. Твоя мать нашла тебе невесту-каракалпачку и собирается свататься, чтобы ты не женился по глупости на уруске, – я спустила свою стервозность с тормозов, не заботясь о последствиях.

– Кто тебе сказал такое? – он внимательно глядел, положив руки на мои плечи.

– Неважно. Теперь уже неважно.

– Очень важно, Ланочка. Я люблю тебя и не хочу, чтобы кто-то трепал тебе нервы и заставлял плакать.

– Я не плакала! – почти выкрикнула.

– Ты плакала. Отключила зачем-то телефон и легла спать в девять часов вечера.

– Откуда ты всё знаешь?

– Стоял под твоими окнами и наблюдал.

– Ага, снизу хорошо просматривается моя прихожая, где стоит телефон. Или ты научился летать? – съязвила я.

– Нет, летать не умею, а вот тебя чувствую на расстоянии и твоё настроение тоже. Телефон твой не отвечал и я позвонил на станцию, где мне сказали, что твой отключен.

– Разве такие справки дают? Мне говорили, что до нашей телефонной станции не дозволишься, тем более, вечером.

– Если только не звонит начальник станции.

– Ого! У тебя такие большие начальники в друзьях? – распалялась я.

– В братьях. Кунград же начальник станции, – улыбался Бердах, наблюдая как я кипячусь. Ответить было нечего.

– Ну, так что, мы летим в Ташкент? Сейчас уже одиннадцать часов. Думай скорее, а то опоздаем на рейс, придётся лететь вечерним.

– А билеты? У нас же нет билетов, – хваталась я за последнюю соломинку.

– Бери паспорт и поехали. Я забронировал билеты. Машину братишка заберет со стоянки, я уже договорился.

– А где мы будем в Ташкенте жить? – спрашивала уже на ходу, бросая в сумку сменное бельё, косметичку и паспорт.

– У сестрёнки Наргиз на Чиланзаре. Помнишь, ты её на свадьбе Кунграда видела? Светленькая такая. Она у нас учится в медицинском.

Прогулки по Ташкенту

Держа верхнюю одежду в руках, мы вышли из ворот аэропорта и тут же оказались в толпе таксистов. Они взяли нас в кольцо и, почти силой забирая сумку из рук Бердаха, на узбекском и русском языках предлагали отвезти куда угодно «совсем дёшево». Зная нравы ташкентских таксистов, зарабатывающих у аэропорта, я шла прямо к автобусной остановке, увлекая за собой Бердаха. Понемногу они отстали, поняв, что мы не крутые провинциалы, приехавшие сорить деньгами в столицу, и только один юркий мужичонка всё канючил, идя за нами по пятам и угораздившая довести нас куда надо. К нему я и обратилась, назвав адрес и спросив цену. Когда таксист назвал баснословную сумму, я уменьшила её ровно в пять раз и назвала настоящую стоимость проезда. Сначала он заныл, что цены выросли, бензин подорожал, а моя цена даже полпути не покрывает, но, видя, что я опять повернула к остановке, недовольно согласился.

Уже в машине Бердах шёпотом на каракалпакском спросил у меня: «Ты откуда цены здешние так хорошо знаешь?». Пришлось также шёпотом рассказать ему, что училась в Ташкентском госуниверситете и за пять лет научилась торговаться на базаре и с таксистами. Он рассмеялся, приобняв меня за плечо, и громко сказал: «Ничего я о тебе, Ланочка, не знаю. Буду изучать».

В квартирке, которую родители снимали для Наргиз у каких-то дальних ташкентских родственников, было две смежные комнаты. Бердах разместился в большой на диване, а мы с его сестрёнкой спали в маленькой на большой кровати. Казалось, она не была удивлена нашему приезду и даже готовилась – в комнатах и на кухне было чисто, а на разложенном диване уже лежала стопка белья с полотенцами. Не задавая лишних вопросов, девушка хлопотала на кухне, заваривая чай и готовя дастархан. Мне было неловко, но Бердах вёл себя естественно, рассказывая Наргиз о моем таланте сбивать спесь с таксистов. Смеясь, он изобразил разочарованное лицо таксиста, которому не посчастливилось сегодня встретить меня.

После наших колючих ветров, дождей и пронизывающего насквозь всё живое холода, Ташкент показался раем земным. Стояла ясная, солнечная осенняя погода. Деревья в парках и скверах ещё не успели сбросить до конца жёлто-красные листья под ноги прохожим, зелёные газоны радовали уставшие от серости глаза изумрудными островками вдоль дорог и тротуаров, прохладный ветерок приятно ласкал лицо, не обжигая колючим холодом, а прозрачный воздух вселял радость и желание гулять по улицам города бесконечно. Что мы и делали с Бердахом и Наргиз. Я их водила по моему Ташкенту, который стала понемногу забывать, по пути вспоминая весёлые студенческие истории. Больше всего Бердаху понравилось в старом городе, поэтому мы доезжали на метро к ТюЗу, а затем шли по улице Навои до цирка, нарезали круги вокруг него и оказывались в конце дня на базаре Чорсу в обжорных рядах, где ужинали ароматным шашлыком или жирным хасыпом²⁰ с тонко нарезанным нарынком.²¹

Оказывается, мой любимый совсем не знал города, – прилетая часто по делам в главное управление, жил всегда у сестрёнки и до центра по делам добирался на метро, потом точно также ехал обратно домой, забегая за покупками в Чиланзарский торговый центр. Я удивлялась, подтрунивая над его нелюбознательностью, он же отбивался от моих нападков одной фразой: «Зато ты Москву совсем не знаешь». Действительно, в Москве я была всего два раза проездом, поэтому ничего толком, кроме шумных толп на вокзалах, и не разглядела, а Бердах там учился в университете, потом ещё работал какое-то время и знал город, как он любил говорить, как свои пять пальцев.

²⁰ Хасып – домашняя колбаса, которую виртуозно готовят в Ташкенте.

²¹ Нарын – лапша, смешанная с нарезанным хасыпом. Подаётся без подливы или с бульоном.

Побродив тенью за Бердахом по ЦУМу, я вышла на улицу посмотреть книги, выложенные на развале у многочисленных продавцов. И раньше, в студенческие времена, и сейчас меня привлекали старые книги, аккуратно разложенные на кусках клеёнки в конце лотков. Продавцы – пожилые и не очень люди – всегда были интересными собеседниками и обычно не отпускали без забавной истории или случая из жизни. Они были хранителями истории этого кусочка Ташкента. Переходя от одной коллекции книг к другой, наткнулась на альбом репродукций русского художника Ивана Крамского и, присев на корточки, перелистывала его глянцевые страницы, разглядывая портреты девушек и женщин. Вот и моя любимая «Неизвестная», а на обратной стороне репродукции было написано, что эта женщина была названа критиками «исчадием больших городов», воплощала в себе «образ высокомерных богачек того времени» и ещё что-то обидное для этой красавицы. Для меня же сейчас её лицо выражало не столько надменность, сколько грусть или затаённую драму. Парень с длинными волосами и в засаленном зелёном свитере, продававший альбом, тихонько произнёс: «Вы очень похожи на неё». Я вздрогнула, погружённая в свои мысли, и резко выпрямилась, излишне торопливо захлопнув книгу. «Чего вы так испугались? Вы и вправду похожи на „Неизвестную“ Крамского, спросите любого, – продолжал продавец, невозмутимо поправляя давно немытые волосы. – Купите альбом и покажите мужу дома, он подтвердит мои слова. Это не комплимент, а констатация факта». «Подтверждаю прямо сейчас, – раздался голос Бердаха за моей спиной. – И покупаю книгу для моей жены». Я смутилась ещё больше и, пока мужчины торговались и шутили, отошла в сторонку, чувствуя, что лицо горит от стыда. Впервые в жизни кто-то назвал меня женой, и это было так странно и нереально, что я потерялась окончательно.

Мне было невероятно приятно осознавать, что я иду по любимому городу с любимым мужчиной под руку, второй рукой прижимая к себе альбом с репродукциями Крамского, и слушаю, как мой спутник рассказывает, что не мог долго понять, на кого я похожа из его знакомых, пока не увидел у меня дома на стене картину «Неизвестная». «Я тебя давным-давно видел в Третьяковке в Москве и влюбился, а потом искал все эти годы, ты же тихонько жила рядом в нашем городе посреди пустыни», – улыбаясь, сказал Бердах, и легонько сжал мою руку. Я молчала, боясь расплескать счастье, переполнявшее меня в эту минуту. «Я хочу тебя поцеловать прямо сейчас», – шепнул Бердах и, повернувшись, обнял меня вместе с альбомом, слегка коснувшись моих губ своими. Мне было мало лёгкого прикосновения и, не обращая внимания на прохожих, я отдалась настоящему страстному поцелую, закрыв глаза и уплывая из реальности.

Мы стояли посреди тротуара, обтекаемые с двух сторон торопящимися по своим делам ташкентцами, и целовались так, как-будто это в последний раз. Первым очнулся Бердах и, увлекая меня в сторону от дороги, повёл куда-то. Ощущая сладкий вкус его губ во рту и чувствуя лёгкое головокружение, я толком не соображала и не заметила, как очутилась в ювелирном магазине «Жемчуг» перед прилавком с золотыми кольцами.

– Мне хочется, чтобы ты сама выбрала кольцо, – Бердах поцеловал меня в щеку.

– Какое кольцо? Обручальное? – я растерялась.

– Обручальное мы купим в ЗАГСе, я уже узнавал. Сейчас ты выберешь кольцо, которое будет означать, что мы помолвлены.

– Но, Бердах, так нельзя. Всё равно они будут против...

Он не дал мне договорить и закрыл рот новым поцелуем.

– Никто не будет против. Я тебе уже говорил, что всё будет так, как я решил. Ланочка, любимая, верь мне и расслабься, – он смотрел прямо в глаза и был серьёзен.

Я таяла под его взглядом и, чтобы опять не броситься на него с поцелуями, повернулась к витрине с кольцами. Выбирала долго, перемерив почти все, лежавшие на чёрном бархате под стеклом, пока не остановилась на тонком с вставленным в золотую корону жемчугом. Продавец, пожилой узбек, уложил колечко в красную коробочку и пожелал нам счастья и любви.

Надевая кольцо на безымянный палец моей правой руки прямо перед входом в магазин, Бердах тихо произнёс: «Теперь ты от меня, милая, никуда не денешься, я тебя окольцевал». Не в силах больше себя сдерживать, я бросилась к нему и повисла на шее, вытирая украдкой набежавшие слёзы.

Перед самым отъездом мы ещё раз прошлись по базару Чорсу и купили несколько сортов кишмиша,²² кураги²³ и курта,²⁴ пышные ташкентские праздничные лепёшки-патыр²⁵ и заказ-самсу.²⁶ С самсой пришлось повозиться, заворачивая её в целлофановые пакеты и бумагу в несколько слоёв. Сверху я обернула куль с едой своей шерстяной шалью, лежавшей все дни в Ташкенте в сумочке.

Всю дорогу в аэропорт Бердах был серьёзный и сосредоточенный, чем удивил меня, – за три дня я привыкла видеть его улыбающимся.

– Бердах, о чём ты думаешь? – спросила его в зале ожидания.

– А? Да так, ни о чём серьёзном, – не сразу ответил он на мой вопрос.

– И всё же, скажи. У тебя такой вид, как будто ты готовишься к важному разговору, – мне хотелось узнать у него, наконец, говорил ли он обо мне с родителями.

– Проницательная ты моя! – любимый поцеловал меня в макушку.

– Так ты ещё ничего матери с отцом не говорил о нас? – не отставала я.

– Они и без меня всё знают. У них глаза и уши сидят в одном отделе с тобой.

– Сапаргуль? – я не удивилась.

– Она – дальняя родственница, вечно возле мамы нашей вертится.

– Значит, она обо всё докладывает?

– Стучит как дятел. Но это и хорошо, мне не нужно рапортовать по вечерам, как отцу, – Бердах рассмеялся.

– А папа ваш отчитывается? – удивилась я.

– Ты, разве, нашу маму не встречала? Это же генерал в юбке. Командует всем семейством, сидя дома у телефона. Фатимка до сих пор шагу ступить не может без её разрешения.

Теперь мне было понятно, почему подруга на базаре, узнав, что мы с Бердахом думаем о свадьбе, всполошилась. Стало грустно. Я посмотрела на колечко, поблёскивавшее на безымянном пальце, вздохнула и подумала, что, возможно, его место никогда не займёт обручальное.

²² Кишмиш – сушёный виноград, изюм.

²³ Курага – сушёные абрикосы.

²⁴ Курт – высушенные шарики домашнего солёного сыра.

²⁵ Патыр – слоёные лепешки, испечённые на курдючном сале.

²⁶ Заказ-самса – так называют в Ташкенте самсу большого размера, испечённую в тандыре.

Неожиданная болезнь

Наш городок встретил снегом и морозом. Прилетев из бархатной осени в зимнюю стужу, почувствовали на собственной шкуре разницу между пустыней и оазисом. Путь от самолёта до выхода занял минут пять. Мы бежали по заснеженному промёрзшему асфальту, мечтая о тепле машины. У ворот аэропорта ждал братишка Бердаха Байрам, притопывая на месте от холода и кутаясь в длинный тулуп. Для брата он держал наготове ватный чапан,²⁷ в который Бердах закутал меня. И всё равно у меня зуб на зуб не попадал, а голова замёрзла, превратившись в ледяной шар. Каждый звук отдавался внутри отвратительным звоном, вызывавшим острую боль. Хотелось скорее добраться до дома и зарыться в пуховые подушки и одеяло.

В три часа утра болела не только голова, ломило всё тело, тошнило и першило в горле. Еле дойдя до плиты и поставив греться чайник с водой, ругала себя за то, что без шали побежала к машине из самолёта, не взяв даже шарф у Бердаха, чтобы завязать голову. Порывшись в аптечке, нашла аспирин и выпила две таблетки, почти не надеясь унять адскую боль в теле. Прополоскала раствором пищевой соды и соли горло, едва сдерживая рвоту, и залезла под перину, надеясь уснуть. Сон не шёл.

То ли от аспирина, то ли от одеяла стало очень жарко, в голове уже не звенело, а набатом гудели колокола. Вдруг слышались голоса из кухни. Дед с отцом спорили о чём-то, матерясь и стуча по столу, мама шикала на них: «Ланусю разбудите, тише вы, разбушевались!». Но двое продолжали ссору, звеня уже стаканами и бутылками, мама зачем-то стучала половником в кастрюлю, напевая знакомую песенку про двух гусей. Вместе они шумели и гремели как ненормальные. «Как они зашли ко мне, я же заперлась изнутри? Бред какой-то», – подумала вяло и провалилась в темноту, оглушённая какофонией, несущейся из кухни.

Вынырнув из липкого сна, и с трудом открыв глаза, не могла понять почему всё отвратительно звенит вокруг. Голова раскалывалась. Сообразив, что звонит телефон, попыталась встать, но сил хватило только на то, чтобы приподняться и вновь упасть на мокрую от пота подушку. «Мамочка, как мне плохо», – простонала и сделала ещё одну попытку подняться с постели. На дрожащих ногах, держась за стены и мебель, доползла до прихожей и сняла трубку, сразу же оглохнув от маминого истеричного крика «Лана, что там у тебя случилось? Ты в порядке?». Собрав оставшиеся силы, прошептала: «Мама, приезжай, кажется, я заболела». Сняла цепочку с дверей и, цепляясь за всё, что попадалось на пути, добралась до постели и рухнула, снова провалившись в темноту.

И опять шум из кухни. На этот раз разговаривали мама с папой и ещё кто-то чужой, не дед. Они не орали и не гремели посудой, а говорили обо мне спокойно, даже испуганно. Мне очень хотелось узнать, куда подевался дед, голос которого я отчётливо слышала ночью, поэтому позвала маму, чтобы спросить о нём. Из горла вырывались хрипы вместо слов, но мама, видимо, почувствовав, что я проснулась, сама пришла в комнату и присела на край дивана. Её прохладная поначалу ладонь на моём лбу сразу же нагрелась, став сухой и тяжёлой, и я мотнула головой, пытаясь скинуть руку. Острая боль пронзила мой мозг, в глазах потемнело и затошнило. Все завертелись – папа с мамой, мужчина в белом халате, – издавая звуки, как заевшая магнитофонная кассета, потом пропали.

Следующий раз я очнулась ночью. В большое окно без занавесок заглядывала полная луна, освещающая комнату, заставленную кроватями и тумбочками. Рядом стояла капельница: в меня вливалась какая-то жидкость, равномерно капая и стекая по тонкому прозрачному шлангу вниз к толстой игле, прилепленной к вене лентой лейкопластыря. В голове ещё звенело,

²⁷ Чапан – стёганный на вате зимний халат.

но не так сильно как раньше. Хотелось пить. Облизав сухие губы, попробовала позвать маму, и у меня получилось. Вместо мамы надо мной склонилась молоденькая медсестра.

– Пить, – прошептала я, поняв, что лежу в больничной палате.

– Вам пока нельзя. Скоро вливания закончим, и можно будет попить, я вам губы смочу водичкой, хорошо? – ласково проворковала девушка и действительно смочила губы ватным тампоном.

Жадно слизав капельки влаги шершавым языком, попросила ещё, но медсестра покачала головой, поправила одеяло и вышла из палаты. Лежать на спине было неудобно. Жёсткая с металлической сеткой кровать и жидкий ватный матрас казались мне орудием пыток средневековой инквизиции, а не постелью для больного человека. Попыталась пошевелиться, чтобы хоть как-то размять затёкшее тело. Кровать громко и противно заскрипела, мой мозг уловил каждый звук, утроив его и создав в голове страшный шум, вырубивший сознание.

Через неделю ранним утром меня перевели из реанимации в терапевтическое отделение. Я еще не ходила, но чувствовала себя лучше и знала до мельчайших подробностей, что происходило вокруг меня в эти дни, от мамы, которая ждала в палате с термосом куриного бульона. Она рассказывала мне обо всех событиях, не упуская ни одну мало мальскую деталь и давая по ходу оценки поведению врачей, медсестёр и знакомых. В то утро мама примчалась ко мне сразу же после разговора со мной по телефону, вырвав и отца с работы. Застав меня в бреду, они вызвали карету «Скорой помощи». Врач, не мешкая, повёз меня в больницу с подозрением на двустороннюю пневмонию. В приёмном покое дежурный врач предположил инфекционный менингит, чуть не отправив этим диагнозом саму маму в реанимацию, у которой тут же подскочило давление. Другой врач, вызванный из реанимации, подтвердил воспаление лёгких и увез меня на каталке, оставив родителей у стеклянной, запертой изнутри двери дожидаться новостей. Они и дежурили там, сменяя друг друга и посасывая валидол, чтобы успокоиться. Приходили родственники, друзья и даже соседи, чтобы поддержать их и узнать обо мне, но врачи никого, кроме мамы, в палату не пускали. «Прибежала из больницы к тебе за бельём, а перед дверью парень стоит и названивает, и названивает. Поздоровался со мной и о тебе спрашивает, мол, с работы, пришёл узнать, что с тобой случилось. Я ему и рассказала всё. Так он, узнав, что ты в Ресбольнице, говорит мне: „Вы не волнуйтесь, собирайте вещи, я вас отвезу и зайду к главврачу вместе с вами“. А сам бледный-бледный, как вот эта простыня. Пока я сумку собирала, он кому-то звонил и твою фамилию называл, говорил, чтобы проследили за твоим лечением. Уже в больнице узнала, что главврач – его родной дядя, а парень этот Бердах, ваш инженер, – рассказывала мама, пытаюсь угадать мои мысли и зорко следя за выражением лица. – Он каждый день приходил и спрашивал как ты, однажды его врач даже к тебе пустил на минутку. Ты спала, а парень потоптался-потоптался, погладил тебя по волосам и ушёл. Хотела его спросить, что между вами, да потом передумала. Бердах – парень, сразу видно, хороший, воспитанный. И симпатичный». Я улыбалась про себя, моля Бога, чтобы мой любимый пришёл и сегодня.

Протирая руки и лицо влажным полотенцем,хватила кольца с жемчугом, которое исчезло с пальца. Точно помнила, что оно было на руке, когда я говорила с мамой по телефону в то утро. Едва дождавшись в обед маму, влетевшую в палату с кастрюлькой и кулёчками, первым делом спросила о пропавшем кольце. Она не сразу поняла, о чём я говорю, потом, порывшись в чёрном дерматиновом кошельке, достала кольцо и протянула мне со словами: «Когда купить успела? Могла бы и похвастаться матери». Мне не хотелось пока раскрывать секрет с помолвкой в Ташкенте. Зная маму, можно было быть уверенной, что уже вечером полгорода будет говорить о свадьбе как о решённом деле. Поэтому я слукавила и сказала часть правды:

– В Ташкенте была на праздники и там купила. А показать не успела. Прилетела ночью, а утром ты меня в больницу уже привезла.

– В Ташкенте? – у мамы округлились глаза. – Чего ты там потеряла?

– Так, прогуляться захотелось, – вспомнив два прекрасных дня в любимом городе, почувствовала приятное тепло, разливающееся по телу.

– Вот сумасшедшая! Не ребёнок, а сущее наказание. Не могла мне позвонить и предупредить? Мы бы встретили в аэропорту с тёплыми вещами. Как раз на праздники мороз ударил, и снег выпал. Ты же, небось, фасонила и на голову ни шапку, ни платок не надевала, – она продолжала ворчать и возиться около тумбочки, расставляя посуду, чтобы покормить меня.

Я выпила и съела всё, что подсовывала мне заботливая мама, доставив ей огромное удовольствие. Посидев со мной ещё немного, она умчалась готовить ужин и обещала вечером прийти уже с папой. Только она вышла, тут же в палату вошёл Бердах, держа в руках коричневый бумажный пакет, из которого выглядывали краснобокие яблоки и розовые гранаты. Стесняясь поцеловать меня при женщинах с соседних коек, украдкой поглядывавших на нас, он только сжал мои руки в своих и стал расспрашивать о здоровье. Хотелось погладить его по выбритой до синевы щеке, прижаться к ней губами, но любопытные тётки, не отличавшиеся деликатностью, не догадались выйти в коридор и оставить нас наедине хотя бы на минутку. Заглянувшая медсестра попросила Бердаха выйти, пока она будет проводить процедуры, и он послушно ушёл, всё же умудрившись поцеловать меня в губы и шепнуть, что любит.

Целый месяц я провалялась на неудобной больничной койке, покорно подставляя мягкие места для уколов, помогая медсёстрам поймать мои тонкие неуловимые вены и с удовольствием поедая мамины супы и бульоны, ожидая с нетерпением обеденного перерыва, когда приходил Бердах. Следующий час был наполнен нежностью и лаской, которыми мы незаметно обменивались, сидя на кровати, и разговаривая на нейтральные темы о погоде, наступающих новогодних праздниках, новостях в управлении. Не знаю почему, но я ни разу не завела разговор о нашей помолвке. Наверное, слабый после тяжёлой болезни организм не желал новых встрясок и блокировал в моём мозгу эту тему. Не знаю. Может быть, я интуитивно чувствовала, что лучше сейчас помолчать, чтобы не нарываться на плохие новости. Как бы там ни было, планов мы не строили и о свадьбе не заикались оба. Иногда я замечала виноватый взгляд любимого на себе, но он тут же брал себя в руки и начинал шутить и балагурить, стараясь не глядеть в мои глаза. Сердце ёкало, чувствуя беду. И она пришла.

В один из вечеров в больницу пришли девчонки из отдела, вернее, расчётный бухгалтер Сапаргуль и кассир Гульнара, отправленные остальными коллегами в качестве делегатов. Они долго сокрушались и удивлялись, где я так сильно простыла, ругали меня за беспечность, мол, шапку носить нужно зимой и штаны тёплые, а не модничать в капроновых колготках и шёлковых шарфиках, прекрасно зная, что я – мерзлячка и зимой хожу как капуста, закутанная в сто одежек. Но, видимо, им было приятно пожуричь меня, и я приняла правила игры, виновато помалкивая и делая вид, что сама не понимаю, как меня так угораздило подхватить воспаление лёгких в морозные дни. Закончив сокрушаться, девчонки завели разговор о нашем главбухе. Оказывается, впервые за много лет ему не удаётся сбежать в санаторий, чтобы переждать холода, из-за того, что я вне планово заболела и угодила на больничную койку, а оставить вместо себя другую сотрудницу он боится. Вот и мучается между «хочу» и «не могу», вызывая девчонок к себе в кабинет по одной и пытая их на предмет надёжности и аккуратности. «Пока будет решать, кого оставить за главную, Новый год наступит, а там и ты на работу выйдешь», – подытожила Сапаргуль и перевела разговор на Бердаху.

– Приходит хоть навещать тебя милый друг-то? – с нарочитой небрежностью спросила она, внимательно наблюдая за моим лицом.

– Конечно, каждый день, – мне не хотелось врать.

– И как у него на всё время хватает?! – притворно-удивлённо воскликнула она, обращаясь к Гульнаре.

Я не понимала, к чему хитрая Сапаргулька клонит, поэтому молча ждала. И действительно, театрально выдержав паузу, она продолжила, наклонившись ко мне:

– У него сейчас столько работы – выше крыши. Большой шеф на пенсию уходит и Бердаха оставляет руководить управлением, в Ташкенте его кандидатуру уже утвердили, так что после праздников он станет нашим начальником.

Меня не смутили её слова, об этом Бердах говорил ещё в Ташкенте, так что удивить меня Сапаргульке не удалось, но я сделала большие глаза и притворилась, что впервые слышу эту новость.

– В выходные тоже нет ему покоя – возит нас с апашкой²⁸ по складам то в Ходжейли, то в Чимбай, а неделю назад в Куня-Ургенч на базар мотались покупать ткани. Я апашке говорю: «Куда торопитесь? Подождём до лета и потом свадьбу сыграете». Но её разве переубедишь? Упрямая как не знаю кто. «Хочу, – говорит – женить сына сейчас, чтобы к следующему Новому году уже внука нянчить».

Гульнара заёрзала на месте, недовольно поглядывая на товарку, однако промолчала. Я же сидела неподвижно, ожидая самого страшного, что дорогая коллега приберегла напоследок, чтобы добить меня окончательно.

– Да, совсем забыла, ты же не в курсе новостей последних. На прошлой неделе они свататься ездили в Тахтакупыр. Там апашкина сестра живёт, вот её младшую дочку и сосватали. Девушка – красавица, молоденькая, только восемнадцать исполнилось, учится в медучилище в Нукусе и живёт у апашки дома. Не знаю, что там и как получилось между ней и Бердахом, но, сама видела, – она на него чуть ли не молится, пылинки с него сдувает, да и он ласковый с ней. В общем, вот такие новости. Так что выписывайся поскорее и заказывай платье в ателье. По весне на свадьбу к новому шефу гулять пойдем.

Гульнара всё же не выдержала и добавила, осторожно погладив меня по руке:

– Лана апа, выздоравливайте и ни о чём не думайте. Сегодня одна новость, завтра – другая. И потом, говорят, Бердах ага²⁹ не соглашался на свадьбу, может быть, всё это пока разговоры? – она выразительно посмотрела на улыбающуюся Сапаргульку.

– Ха, ты или я лучше знает, что у Алибековых дома происходит? Всё уже решено, и Бердах сам попросил мать поехать свататься в Тахтакупыр. Что тут может измениться? Разве можно идти против воли влюблённых? – ехидно добавила она, метнув на меня недобрый взгляд.

– Спасибо, что навестили. Всем нашим привет передавайте, – вяло попрощалась я, еле сдерживая слёзы.

Проводила визитёрш до дверей отделения и зашла в туалет, чтобы выплакаться вдали от посторонних глаз. Наревевшись, умылась и вернулась в палату, где меня ждала медсестра со шприцами и таблетками. Как только она ушла, пожилая русская женщина, поселившаяся с нами только сегодня, спросила со своей койки: «Вы Алибековых хорошо знаете?». Мне не хотелось сейчас разговаривать, тем более об этой семье, но воспитание взяло верх, и я ответила, после небольшой паузы: «Не очень. Их средний сын у нас в управлении инженером работает. Жена старшего сына – моя одноклассница».

– А вы кем, бухгалтером? – продолжала допрос соседка по палате.

– Да.

– Надо же, живём в одном городе, и не знакомы, – промолвила она задумчиво.

– Не поняла, кто с кем не знаком? – удивилась я.

– Мы с вами не знакомы до сих пор. Я – секретарь отца Бердаха вот уже тридцать лет скоро. Мы с ним начинали работать вместе в Тахтакупыре, тогда он тоже был простым инженером, потом пошёл на повышение в столицу и меня за собой увёз. Разговоров было о нас, даже в Обком анонимки писали, что Марат Алибеков любовницу прихватил с собой. Вызывали его

²⁸ Апа, апашка – обращение к старшей по возрасту женщине.

²⁹ Ага – уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

на партсобрание, отчитывали, хотели выговор влить, а ко мне его беременная жена Джумагуль прибежала в слезах, просила пойти к секретарю Обкома и объяснить, что между мной и Маратом ничего нет. Ходила вместе с ней. Сейчас смешно вспомнить, а тогда за любовниц из партии погнать могли запросто. Отстояли две бабы мужика.

Я слушала женщину, затаив дыхание. Она говорила, обращаясь к кому-то невидимому в окне, словно забыв о моём существовании. Временами кашель душил её, но, откашлявшись и отдышавшись, она продолжала свою историю. Две другие соседки по палате вполголоса переговаривались между собой, не обращая на нас внимания.

– Родила она Бердаха, а через месяц заболела. Пришлось нам с Маратом дежурить у её койки и мальчонку таскать кормить в больницу по пять-шесть раз за день. Она еле живая лежит, а я держу Бердаха у её груди и упрашиваю, чтобы покормила. Кунград, тоже маленький ещё, рядом стоит, мать за руку держит и плачет: «Апа, не умирай». Марат тогда чуть с ума не сошёл от расстройства. Его мать ещё живая была. Придёт, бывало, в больницу с малышами и давай причитать над Джумагуль на каракалпакском языке. И гнилая она у неё, и порченная, и слезили её урусы, и ещё, Бог знает что говорила обидного. Только сын мог её утихомирить и домой увести. Говорят, она снохе житья не давала – ела поедом, никак не могла смириться, что Марат привёл в дом невестку без материнского благословения. Она ему уже сосватала кого-то из родни, а он украл Джумагуль и привёл домой прямо перед свадьбой. Мать даже проклясть его хотела поначалу, потом успокоилась, но на снохе отыгрывалась как хотела. Так вот, Джумагуль совсем слабая в больнице лежит и мне говорит, что, если она умрёт, я должна стать матерью Кунграда и Бердаха, потому как только мне она и доверяет их. Не знаю, что она Марату говорила, но, кажется, тоже самое, что и мне. Я накричала на неё в сердцах. Говорю: «Чего выдумала? Выздоровеешь и будешь со своими мужиками сама возиться, не хватало мне ещё чужих детей воспитывать!» – а сама реву белугой и обнимаю её. Дети тоже ревут. В общем, не дали мы ей умереть. Потом ещё детей Марату нарожала кучу, но нет-нет да пошутит, что я – её заместитель на всю жизнь. Потому меня их дети русской мамой и называют.

Женщина прервала свой рассказ и попросила налить чаю. Подавая пиалу, я не знала, как обращаться к ней. Мы не успели познакомиться.

– Извините, меня зовут Лана, – решила представиться для начала.

– Зови меня тётя Валя, меня и Бердах так зовёт на людях, – отозвалась соседка. – Он мне про тебя рассказывал, Ланочка. Красивое у тебя имя, милая. Лана, прямо как лань. Нежное имя. Кто назвал?

– Папа. Где-то вычитал и назвал. Кажется, в нашем городе я единственная с таким странным именем.

– Любит тебя наш мальчик, сильно любит. С ума сходит. Не знаю, что с Джумагулькой случилось, чего ты ей не нравишься... – тётя Валя не закончила фразу.

В дверь громко постучали. А затем сразу же вошли родители Бердаха с пакетами и сумками, заполнив пространство палаты так, что я почувствовала себя маленькой букашкой, которой хотелось залезть в щёлку и не выглядывать, пока они не уйдут. Посетители шумно поздоровались и принялись расспрашивать тётю Валью о здоровье. Делая вид, что читаю книгу, я прислушивалась к тому, о чём они говорят, но ничего интересного для себя не узнала, – обычные разговоры пожилых людей. Понемногу увлеклась чтением, поэтому, когда ко мне обратилась тётя Валя, не сразу услышала её просьбу.

– Ланочка, доченька, возьми кастрюльку с бешбармаком и всем разложи в тарелки, пожалуйста. Нужно кушать пока горячее.

Мать Бердаха внимательно посмотрела на меня и, кажется, узнала.

– Кушайте, индюка специально для дорогой моей подруги зарезала сегодня, чтобы сварить бешбармак как она любит, – хвастливо обратилась она к женщинам в палате. И, повернувшись к подруге, продолжила:

– Испугала ты нас, Валентина Ивановна. Марат позвонил в обед и говорит: «Валя заболела, езжай к ней». Я – к тебе домой, соседи говорят – пошла в поликлинику, а там – «Скорая помощь» увезла. Водителя загоняла, пока гонялась за тобой, Фатимка бешбармак сготовила, тут и Марат домой приехали с Бердахом. Уф, жарко у вас тут, – с этими словами свекровь Фатимы расстегнула дорогое чёрное пальто с белым песцовым воротником и сдвинула на спину вязаный пуховый платок. Под тёплым платком был ещё один – зелёный, японский, прошитый золотистыми нитками, а под ним седые с остатками хны волосы.

– Чего вы всполошились-то? Эка беда – простуда! – вроде как недовольно выговаривала тётя Валя, польщённая вниманием друзей.

– Я с врачом твоим поговорил, – начальственным тоном начал отец Бердаха, – он говорит, что подозрение на воспаление лёгких, так что ты лежи и лечись, без самостоятельности тут у меня. Я тебя знаю, через пару дней заявишь, что всё хорошо и на работу придёшь. Даже не думай, тебе отдохнуть нужно хорошенько, – закончил он уже мягко.

Тем временем, мать моего любимого, воспользовавшись моментом, повернулась и спросила негромко:

– Ты та Лана, что у Фатимы свидетельницей на свадьбе была?

– Да.

– Что случилось? Почему в больнице? – кажется, она прекрасно всё знала, притворяясь несведущей.

– Воспаление лёгких.

– Поменьше раздетой бегать по морозу нужно было за чужими женихами, – с сарказмом произнесла она и отвернулась.

Я сидела как оплёванная, безжалостно униженная матерью человека, которого любила больше жизни. Хотелось выскочить из палаты, загромождённой этими самодовольными, уверенными в своей правоте людьми, но сил, чтобы встать и пройти несчастные три метра от моей койки до двери не было.

Скоро шумные посетители ушли, оставив после себя следы зимней слякоти на коричневом линолеуме и сдвинутые стулья посреди палаты. Ароматы сырокопчёной колбасы и сыра, плывущие от тумбочки соседки, щекотали ноздри. Почувствовав, что рот наполняется голодной слюной, вспомнила, что ещё не ужинала сегодня. Скованность, охватившая при матери Бердаха, понемногу отпустила, и я принялась есть тёплый бешбармак с индюшатиной. Ела и думала, почему она меня так не любит, но ответа не находила и злилась на неё и на себя, отчего аппетит удвоился, и за бульоном пошёл кусок рулета с мясом, принесённый мамой в обед. Говорят, женщины заедают стресс и плохое настроение. Наверное, я из их числа – огорчения и слёзы хочется запить молоком, заесть булочкой или шоколадкой, после чего проблемы отступают на какой-то момент, не скребясь в душе чёрными кошками.

Тётя Валя, утомлённая разговорами и ужином, укладывалась спать, кашляя и кряхтя по-стариковски. Она не возвращалась к беседе, прерванной её визитёрами, словно, забыв о ней напрочь. Только перед сном сказала, будто вслух подумала: «Надо бы с ней поговорить завтра о детях». Я поняла, что эти слова предназначались для меня. Ниточки надежды протянулись от её изголовья к моему.

Наутро, во время обхода я попросила заведующего отделением выписать меня домой под наблюдение участкового врача, ссылаясь на то, что чувствую себя отлично, а уколы и мама может сделать. Он внимательно прослушал меня, постучал по спине и груди, полистал карту и кивнул со словами: «После обеда можете идти домой». Представив себе, что в обед снова придёт мать Бердаха и парализует меня одним взглядом или снова попытается унижить, взмолилась, чтобы отпустили раньше. «Можно и сейчас, только тогда за выпиской придётся кому-то приехать попозже, – она будет готова после обеда», – безразлично разрешил врач и пере-

сел на край кровати тёти Вали. Еле дождавшись окончания обхода, побежала звонить с поста дежурной медсестры маме, чтобы привезла одежду и обувь.

Складывая посуду, банки и ещё какие-то мелочи в авоську, не заметила, как в палату вошёл Бердах.

– Привет! Уже собралась? Я сейчас, только с тётей Валеёй немного поболтаю, и поедем, – произнёс он так, будто мы обо всём заранее договорились.

Хотя я и удивилась его приходу, но виду не показала и, поздоровавшись, продолжала укладывать вещи. Китайский заварочный чайник никак не умещался в сумке, руки мелко дрожали и пальцы не слушались. Появилась и мама с одеждой и шуршащим ярким пакетом, из которого выглядывали коробка шоколадных конфет и бутылка коньяку. Я ушла переодеваться в процедурную, мама унеслась благодарить врачей в ординаторскую. Когда мы вернулись, Бердах уже ждал в коридоре с моей авоськой и мамиными сумками. Мне оставалось только попрощаться с соседками по палате и спуститься в больничный двор.

После вечности внутри душного помещения свежий, морозный воздух накрыл с головой, опьянил, приятно пощипывая щёки и лоб. Постояла минутку на крыльце, вдыхая носом запахи улицы, и осторожно пошла к стоянке, счастливая от ощущения свободы. Они стояли у машины, весело о чём-то переговариваясь. Похоже, два родных мне человека сдружились за месяц, пока я валялась на больничной койке, чего не скажешь обо мне и матери Бердах, из-за которой я убегала, как трусливый заяц, из больницы. Мама, важно усевшись на переднее сидение «жигули», скомандовала: «Поехали!». Притормозив у ворот, Бердах всунул сторожу рубль, и мы покатали в сторону старого города, где жили мои родители. Мне совсем не хотелось торчать у них, но, с другой стороны, оставаться одной сейчас тоже весёлого мало. Несмотря на бравый вид, на самом деле чувствовала я себя паршиво. И причиной была не моя болезнь, а новости, принесённые сорокой Сапаргулькой, и высокомерное отношение Джумагуль. Как только я подумала об этом, сладкое ощущение свободы пропало, уступив место хандре.

Город казался совсем незнакомым. Хотя ничего не изменилось вокруг, – всё было чужим и скучным. Улица с частными одноэтажными домами по обеим сторонам, заканчивавшаяся пивзаводом, мост через канал, комбинат – выглядели грязными и серыми. Люди, проплывавшие за окном машины, двигались неторопливо, кутая замерзшие лица в воротники, и поворачиваясь спиной к ветру, почти идя задом наперёд. Меня охватило чувство безысходности. Чтобы не видеть ничего, закрыла глаза. Показалось, что это я осталась позади машины на мосту, закутанная в шубу и пытающаяся идти против ветра, но у меня не получается и, вместо того, чтобы идти вперёд, я пячусь назад. Запутавшись, в конце концов, куда мне на самом деле нужно идти, останавливаюсь и озираюсь по сторонам, ища поддержку у прохожих, безразлично двигающихся мимо, как тени. Машу рукой вслед машине, уносящей с собой мои мечты и любовь, однако мама с Бердахом не слышат меня, увлечённо беседуя, затем машина поворачивает налево и скрывается из вида. Мост шатается под ногами, я кричу, пытаюсь схватиться за железные перила, руки не слушаются и соскальзывают, и мне становится по-настоящему страшно. Чувствую, как по спине текут струйки пота, и кровь приливает к голове. В этот момент кто-то хватается за плечо и трясёт, показывая на чёрную воду внизу. Понимаю, что нужно прыгать и плыть прочь от разваливающегося на глазах моста, но не могу, запутавшись в полах шубы.

«Лана, доченька, просыпайся! Мы уже дома», – мама легонько трясла меня за плечо. Я открыла глаза и огляделась вокруг, не совсем понимая, где сон и явь. По спине действительно стекали струйки холодного пота, и голова под шапкой вспотела до неприятного зуда. «Фу, такой страшный кошмар приснился, аж холодный пот прошиб», – произнесла, заходя в дом родителей. Бердах тут же уехал на работу, пообещав приехать вечером.

Мама с отцом жили сразу за пекарней, в доме, построенном папиным отцом ещё в шестидесятых. Дед-татарин положил на этот добротный кирпичный дом полжизни, отстраивая его

комната за комнатой, а пожить в нём и не пожил толком. Как только закончил строить баню и попарился в ней первый раз, слёг и больше не вставал. Через полгода его похоронили, за ним скоро ушла и его жена. Счастья старикам дом не принёс, зато сыну их не нужно было горбатиться и надрываться, а внучке жилось привольно в больших комнатах до поры до времени. Я знала здесь каждый уголок, каждую трещинку в стене, оставаясь часто одна после школы и разговаривая с домом. Для меня он был добрый друг, который мог и утешить, и развеселить, и погрустить со мной вместе. Потом я уехала учиться в Ташкент, вернулась и устроилась на работу в новый город, зарылась в бухгалтерские отчёты и забыла о своей связи с домом, относясь к нему как к месту, где я сплю, ем, сижу в кресле и смотрю телевизор. Дом перестал быть другом. И родители уже не были теми ласковыми папой с мамой, готовыми исполнить любое желание Ланочки. Они всё чаще говорили о том, что мне пора выходить замуж, с печалью в голосах рассказывали о свадьбах моих одноклассников, приглашали в гости дальних родственников с сыновьями в воскресные дни, пытались даже водить меня вечерами в кино, чтобы я познакомилась с парнем. Наивные мои старики. Старогородские мужланы не интересовали меня, отпугивая нелепыми причёсками и дурными манерами. Я же мечтала о принце, именно о таком, который приедет за мной на чёрной «Волге» и увезёт жить в мой любимый Ташкент. Ни больше ни меньше. Однако ташкентские рыцари были редкостью в нашем пыльном районе, особенно на узкой улице позади пекарни, и я понемногу превращалась в старую деву, ссорясь с мамой по каждому пустяку. В конце концов, собрала вещи и ушла к русскому деду-учителю физкультуры в его крохотную однокомнатную квартиру в микрорайон.

Всё было готово к моему приезду. Устраиваясь в бывшей моей комнате, где папа настоял оставить всё так, как было при мне, почувствовала лёгкий укол совести. Два года я ни разу не помогла маме ни с генеральными уборками, ни с косметическим ремонтом, уйдя в свою жизнь как в раковину. Сидя на постели, прислушалась к дому, но он молчал, став чужим. «Всё к лучшему», – подумала, чтобы не маяться угрызениями совести, открыла книгу и потерялась в мире любимых героев Мопассана.

Вечером Бердах позвонил и извинился, что приехать не сможет, – много дел дома накопилось. Я понимала какие это дела и только вздохнула, крутя на пальце колечко. Затем решилась и сказала тихо:

– Бердах, нам нужно серьёзно поговорить. Скажи, когда ты сможешь приехать? Лучше, когда мама на работе, но не в обед. Я так больше не могу, у меня сердце не на месте.

– Что случилось, милая? Ты плохо себя чувствуешь? Может быть, ты рано выписалась?

– Да нет. Это не о здоровье, это о нас с тобой.

– Мы же всё решили в Ташкенте. Ты не должна беспокоиться ни о чём, всё идёт своим чередом.

– Нет, ничего не идёт так, как я хочу. Всё катится к чертям собачьим, и ты скрываешь от меня, что весной твоя свадьба, и что твоя мама ненавидит меня, и что твоя невеста живёт в вашем доме. Зачем ты обманываешь меня?

– Я сейчас не могу говорить, – перебил меня Бердах. – Давай так договоримся: я приеду завтра после обеда и всё объясню. Хорошо? Я всё тебе объясню. Целую.

Декабрь

Разговора не получилось ни назавтра, ни через неделю. Бердах был всё время занят на работе или дома. Пару раз забежал проведать меня на минутку, когда и мама с папой приходили на обед, и исчезал. Иногда звонил, однако говорил о пустяках, а когда я спрашивала о чём-то, касающемся лично нас, менял тему или, сославшись на срочные дела, прощался и торопливо бросал трубку. Природная робость и выпестованная в одиночестве гордость не позволяли мне позвонить ему первой и поговорить начистоту, крича в унисон, что я вульгарно навязываюсь Бердаху в жёны. И я деликатно молчала, мучаясь от неизвестности и не понимая, что происходит вокруг. Временами уныние накрывало тёплым тяжёлым одеялом, и тогда казалось, что всю историю с Бердахом я придумала сама, чтобы хотя бы в своих фантазиях быть любимой и нужной. «Ну и пусть, ну и ладно», – шептала перед сном, стараясь не плакать, и всё равно ревела белугой, зарывшись в подушки.

После сдачи повторных анализов и визита в поликлинику, насквозь пропахшую хлоркой и микстурами, мне закрыли больничный лист. Идти на работу не хотелось. Сочувственные взгляды и перешёптывания за спиной – не то, о чём я мечтала, выбирая кольцо в Ташкенте и мечтая о скорой свадьбе с любимым. Но работа есть работа и, собрав остатки воли в кулачок, я поехала в управление, захватив с собой термос с горячим настоем ромашки и мамин оренбургский пуховый платок.

Пустой поначалу автобус, скоро заполнился пассажирами, и мы тронулись. Устроившись на скамейке у окошка и поставив сумку на колени, попыталась представить удивлённое лицо Бердах, который забежит по делам в бухгалтерию и наткнётся на меня. Его чёрные густые брови взметнутся вверх, глаза округлятся, и он с улыбкой скажет: «Ланочка, ты уже здесь?» – протянув руку для приветствия. А я буду серьёзно глядеть на него снизу вверх и даже бровью не поведу. Я улыбнулась своим мечтам, подумав, что так и осталась глупой девчонкой в душе, играющей роль взрослой женщины. В этот момент автобус проезжал тот самый мост, отделяющий старый город от нового, на котором неделю назад я видела себя в ужасном сне, падающей в чёрные воды канала. Страх подкатил к горлу, на секунду показалось, что сваи моста прогнулись под грузом набитого автобуса, но мы уже сворачивали направо перед кинотеатром «Амударья», и я успокоилась. «Нервы шалют, надо у мамы вечером спросить трав успокаивающих и пить на ночь, а то всякая ерунда мерещится и снится», – поставила себе диагноз и назначила лечение, снова улыбнувшись своим мыслям о Бердахе.

Утро в бухгалтерии началось как обычно: приветствия, сводки сарафанного радио последних новостей со всего управления, жалобы на здоровье и мужиков-гадов, перебивание косточек шефу. Правда, девчонки сегодня отвлеклись и на меня, забросав вопросами о самочувствии, но скоро забыли о моей болезни и принялись за бесконечные столбики и строчки цифр, накладные и ведомости, щелкая временами счётами и бегая к моему столу за консультациями. Всё как всегда. В первый час работа у меня шла тяжело: за время болезни я расслабилась и мой мозг не хотел вникать в скучные документы, однако, незаметно для себя, я втянулась в работу, и папки с документацией медленно, но уверенно сменяли одна другую на моём столе. Конечно же, нашла кучу ошибок и упущений, писала короткие заметки на листочках и передавала на столы невнимательным сотрудницам. Те фыркали, делали недовольные лица, но, зная мою дотошность, принимались исправлять и переделывать документы. Наш шеф-ветеран, неторопливо войдя в комнату в одиннадцатом часу и увидев меня за столом, расплылся в широкой улыбке, осветив пространство вокруг себя золотом вставных коронок. «Лана пришла! – воскликнул он, словно дитя. – Можно идти в отпуск, а то у меня путёвка горит в санаторий». Вокруг многозначительно переглядывались коллеги, закатывая глаза и морща носы, только я сохраняла невозмутимый вид и вдруг, неожиданно для самой себя, выпалила: «У меня тру-

довой отпуск за два года горит. Сейчас не возьму, значит, пропал, а это – нарушение трудового законодательства. Да и после тяжёлой болезни мне нельзя находиться на холоде долго, поэтому врачи посоветовали отлежаться до весны дома. Уж вы меня извините, но сейчас мой черёд отдыхать». Главный бухгалтер уставился на меня, как будто видел в первый раз, потом пожевал губами и, бросив, «Зайди ко мне», вышел вон. В полной тишине было слышно как тикают часы на стене и шумит горячая вода в радиаторах. Присев за свой стол, размашисто написала заявление об отпуске и молча пошла с ним к шефу. Он долго не замечал меня в своём кабинете, роясь в папках и кипах ведомостей, затем открыл сейф, достал печати, разложил их перед собой и только после этого сообразовал заговорить.

– Вот, значит, какая ты, Лана Мирхайдарова. То тихонько сидела и работала, а теперь, почувствовав поддержку, нос кверху и начальство побоку. Помнишь, что старики говорят? Чем выше взлетишь, тем больнее падать.

– О чём вы? Мне действительно нужно долечиться и отлежаться в тепле, да и отпуск нужно отгулять, – мне не хотелось вникать в его намёки.

– Так-так. На моё место метишь? Думал я порекомендовать тебя на эту должность, когда на пенсию выйду, но вижу, не готова ты ещё, не созрела быть руководителем. Личные интересы ставишь выше интересов государства и партии. Болезнь у неё! А у меня фронтовые раны ноют, и то ничего, работаю, чтобы оправдать оказанное высокое доверие...

Шеф выговаривался минут пятнадцать, не обращая внимания на стук в дверь сотрудников управления и мой отсутствующий взгляд. Об «оказанном доверии и интересах партии и народа» я слышала от него и раньше частенько, поэтому не реагировала на слова, думая о том, чью это, интересно, я поддержку сверху заимела, с которой начал свою тираду главбух. Устав выступать, шеф вытер испарину на лысине и уставился на меня, ожидая оправданий и извинений. Я молчала, все так же безразлично глядя на него и держа на коленях заявление. Не дождавшись, когда я заговорю, он просто произнёс: «Не подпишу. Можешь жаловаться, куда хочешь. Пока руководство ещё старое, мы с вами, нахальными молокососами, повоюем». Я удивлённо приподняла брови и спросила: «С кем повоюете? Я ни с кем конфликтовать не собиралась. У меня горит отпуск в конце года, и это – всё. Не подпишите, я пойду к начальнику отдела кадров, а потом к управляющему, потому что вы не имеете права лишать меня отдыха, кстати, тоже предусмотренного нашей партией и руководством государства. Сейчас не чрезвычайное положение, чтобы работать без выходных и отдыха», – с последними словами я положила заявление на стол перед шефом и вышла. Что самое интересное, не чувствовала ни злости, ни обиды на старика, боявшегося потерять должность и оказаться ненужным никому, кроме своей жены. В моём, вслух высказанном при всём отделе желании взять отпуск в то же самое время, когда, обычно он едет лечиться в санаторий, шеф усмотрел бунт и неподчинение или даже поползновение на его должность с моей стороны. Бедный, если бы он знал, что должность главного бухгалтера мне даром была не нужна, особенно сейчас, когда решалась моя судьба. Поэтому, немного постояв в фойе, я вернулась в кабинет без стука и, подойдя к его креслу, тихо сказала: «Отпустите меня, ради Бога. Не могу я сейчас работать, честное слово. Плохо мне, очень плохо. Если бы вы знали, как всё в жизни завязалось, не обижались бы зря. Пожалуйста!». «Я подумаю», – проворчал он, деловито перебирая бумаги на столе и не глядя на меня. «Спасибо», – мягко произнесла я и пошла дорабатывать последний день перед отпуском, зная отходчивость старика и его доброту.

Ближе к обеду все печати были проставлены, подписи собраны и я, получив отпускные, не знала чем себя занять. Но самое главное, не представляла, чем буду заниматься столько времени до и после праздников. И Бердах не зашёл ни разу. Уходить же, не увидев хоть одним глазком любимого, заставить себя не смогла. «Лана, иди уже домой. Мы тебе разрешаем, – шутили девчонки, накрывая стол к обеду. – Не забудь в гости позвать к Новому году, а то мы же соскучились. Только пришла и опять уходишь». Сапаргулька ласковым голосом про-

пела: «И держи с нами связь, чтобы не проспять свадьбу Бердаха Алибекова. Эх, гульнём, девчонки!». Последние слова моя персональная змея подколодная произнесла с деланным энтузиазмом, пританцовывая на месте и тряся кистями рук, словно уже отплясывает хорезмскую лязги. Никто её не поддержал. Все делали вид, что поглощены завариваем чаем и распаковыванием еды, принесённой из дома. «Бог даст, погуляем», – ответила я спокойно, удивляясь хладнокровию, откуда-то взявшемуся у меня сегодня, и вышла из комнаты, накинув мамину шаль на плечи.

Бердах сидел за своим столом и проверял бумаги, когда я вошла, не постучавшись, в его отдел.

– Здравствуйте, мужчины! – поздоровалась с двумя инженерами за руку. – Доброго дня, Бердах Алибекович! Как дела?

– Ланочка! Как ты хорошо выглядишь! Не поверю, что ты болела, как будто с курорта вернулась, – рассыпался он в любезностях, словно на самом деле не видел меня больше месяца. Глаза лучились неподдельной радостью.

– Никому такого курорта не пожелаю, – грустно ответила я. – Ладно, мужчины, я на минутку забежала поздороваться и попрощаться. Ухожу в законный отпуск, еле у старика нашего вымолила утром право на отдых, так что увидимся на ёлке, если я в городе буду. Пока всем, – и пулей выскочила из отдела, боясь взглянуть на Бердаха.

Для чего мне понадобился зимний отпуск, я и сама не знала. Просто сердцем понимала, что лучше мне сейчас побыть вдалеке от работы и ядовитой Сапаргульки, одной, не путаясь под ногами у занятого карьерой Бердаха. Только ли карьерой? Ой ли? Об этом старалась не думать, трусливо отгоняя от себя мысли о свадьбе и будущем, желая только, чтобы всё поскорее закончилось, и я могла вернуться к прежней жизни без жениха, обручения и любви.

Бердах окликнул уже в коридоре: «Я еду на обед в микрорайон к брату. Лана, тебя подбросить до дома?». Отрицательно мотнув головой, громко ответила: «Спасибо, нам не по пути. Я сейчас у родителей живу в старом городе», – и пошла, спиной чувствуя растерянный взгляд любимого. Затем вернулась, на ходу снимая колечко с пальца, взяла его правую руку в свою и вложила знак несбывшихся надежд в полураскрытую ладонь, прошептав: «Я не обижаюсь. Всё нормально». В этот момент из отдела выходили остальные инженеры и я, смутившись, отдернула руку, быстро зашагав прочь, проклиная глупую любовь, проснувшуюся в неурочное время и не к тому, с кем можно было бы мечтать о будущем.

Зная, что в обеденный перерыв при девчонках Бердах не затеет разговора со мной, осталась пить чай, выжидая, когда он уедет, чтобы незаметно уйти домой. Выдержать объяснений я бы просто не смогла, разревелась бы у него на плече, потому что хладнокровия хватило только на шефа и на то, чтобы вернуть колечко. Сейчас же меня просто-напросто трясло как в лихорадке. Под каким-то предлогом вышла проверить, стоит ли ещё машина Бердаха перед конторой, но «жигули» на месте не было. Меня охватили противоречивые чувства. С одной стороны, я обрадовалась возможности беспрепятственно убежать домой без вопросов и сцен, чтобы спрятаться от мира и любимого за спинами родителей и стенами родного дома, а с другой – огорчилась, увидев, что он не сделал ни единой попытки поговорить со мной, извиниться и объяснить, что не может идти против воли властной матери. Я бы сделала безразличный вид и пожелала счастья. Хотя, смогла бы сыграть такую трудную роль, обожая и желая каждую частичку мужчины, ставшим за полгода родным и близким? Может быть, он правильно сделал, что уехал, дав мне шанс не унижаться и не плакать перед посторонними? Обида раздирала меня, пока я надевала шубу и шапку, прощалась с девчонками и медленно шла к остановке. Вспомнила лето, когда впервые села в машину к Бердаху, обратив внимание на его красивые и ухоженные руки на руле, бешбармак у Фатимки дома, ташкентские прогулки по старому городу. Постепенно успокоилась и решила смириться с судьбой. А что ещё сделаешь? Не топиться же в канале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.